

Виктория Утам

Книга 3

КОНСИЛЬЕРИТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мы встретимся снова

18+

Виктория Утам

Консильерита. Книга 3

<https://litres.ru/74645077>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сеул. После рекордного ливня конгломерат «Синджин» погружается в хаос. Пока Председатель слабеет в больнице, враги начинают охоту за властью. Лин-на — консильери дома Чжин с острым умом — остаётся одна против мафии. Чуть не погибнув, она оказывается в укрытии у Кан Тэ-хёна.

Он — бывший спецназовец, она — его экс-босс. Но одна ночь в монастыре стёрла границы, превратив их связь в опасную одержимость. До Совета директоров — двое суток. Компромат уничтожен, а Лин-ну предаёт собственное прошлое. Тэ-хён готов сжечь весь мир ради её безопасности, ведь отпустить её теперь — как содрать кожу.

Криминальный корейский нуар, интриги чеболей и обжигающая страсть в триллере «Консильерита. Книга 3».

Содержание

Пролог	4
Глава 1. На пороге войны	15
Глава 2. Блики прошлого в темноте	50
Глава 3. Миллион шипов для алой розы	93
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Виктория Утам

Консильерита. Книга 3

Пролог

Августовское утро в предместьях Сеула дышало густым, липким зноем. Здесь, в отличие от прохладных гор Ичхона, воздух был плотным, напоённым влажным теплом от реки и нагретой земли. Несмотря на ранний час, солнце уже припекало.

Но стоило переступить порог калитки, как изнывающий от жары пригород остался снаружи. За забором из старой сетки-рабицы, которую так густо оплели плети дикого винограда и плюща, что она превратилась в сплошную живую стену, открылся совершенно иной мир.

Это был настоящий зелёный ковчег, собравший в себе всё мыслимое разнообразие цветущих растений. Лин-на замерла, ошеломлённая тем, как на крошечном клочке корейской земли уживалось то, что в её сознании никогда не должно было расти вместе.

Она сделала два шага по плоским белоснежным камням витиеватой дорожки и неуверенно остановилась. Вокруг буйствовали краски. Прямо у входа сиреневые и нежно-го-

лубые гортензии клонили к земле огромные, тяжёлые шапки. Сквозь них упрямо пробивались глянцевые побеги корейского гибискуса — мугунгвы, усыпанного нежными бело-розовыми чашечками с багровой сердцевинкой. Чуть дальше, в тени вишнёвых деревьев, блестели от утренней росы южные розы, чей аромат густо мешался с речной влагой.

Пышные заросли обрамляли дорожку до самых деревянных ступеней, ведущих на просторную террасу во французском колониальном стиле. От острого, родом из глубокого детства дежавю на секунду перехватило дыхание.

Гипнотическое безмолвие этого места пугало и завораживало. Лин-не показалось, будто она провалилась внутрь старой сказки и, как маленькая Герда, оказалась в волшебном саду старушки-колдуньи. На мгновение даже почудился её мягкий, убаюкивающий голос, радушно приглашающий войти, напрочь отрезая от прошлого — от памяти о боли, страхе и предательстве.

Не хватало только двух деревянных солдатиков у калитки, приветствующих гостей парадными драгунскими мундирами.

Но никакой старушки-колдуньи здесь не оказалось. На верхней ступени короткой лестницы, в тени террасы небольшого кирпичного дома, стояла стройная молодая женщина — примерно её ровесница. Строгий деловой костюм выдавал в ней менеджера среднего звена, а удобная обувь и немаркие цвета намекали, что работа сопряжена с производ-

ством или пыльным складом.

Лин-на медленно подняла глаза. С истинно женской колкостью она тут же отметила высокий рост и приятное телосложение незнакомки, лишённое той привычной, вымученной корейской субличности, которой так гордились столичные жительницы. А аристократичный профиль и глубоко посаженные глаза и вовсе наводили на мысль о смешанном происхождении хозяйки.

В голове Лин-ны мгновенно вспыхнула догадка. Возмущённая, она резко развернулась, готовая выплеснуть на своего спутника немой вопрос: *«Ты куда меня привёл?!»*

За спиной как раз лязгнул засов. Мужчина запер за собой калитку, шагнул к ней и, мягко, но настойчиво перехватив за локоть здоровой руки, повлёк за собой к террасе.

Хозяйка дома уже заметила их обоих и приветственно взмахнула рукой:

— Тэ-хён! Ты вовремя, я уж собиралась уходить на работу.

Возникла неловкая пауза. Развернуться и сбежать Лин-на уже не могла — правила приличия требовали ответить на приветствие. А Тэ-хён с мрачным, сосредоточенным видом упрямо вёл её вперёд.

— Пойдём, — едва слышно, самым краем губ шепнул он ей в макушку. — Тебе здесь нечего опасаться.

«Нечего опасаться?!» — сознание Лин-ны забило тревогу. — *Ты привёл меня к женщине, которая зовёт тебя по име-*

ни как...» Брата? Любовника? Она не могла подобрать верное слово, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. И зависть. Незнакомка была слишком хороша для простого друга, а её преисполненная достоинства манера держаться лишала Лин-ну главного оружия — светской выдержки.

Ноги всё ещё сопротивлялись, но на лице уже застыло подобие вежливой приветливости с лёгкой извиняющейся полуулыбкой.

— Прости, Хан-на, — сказал Тэ-хён, подводя Лин-ну к подножию лестницы и ставя хозяйку этого рукотворного рая перед фактом. — Нам больше некуда идти. Это единственное безопасное место.

От Лин-ны не ускользнуло, как приветливость мгновенно погасла на открытом лице женщины. Шаг, который та сделала навстречу, замер на полпути. Взгляд каштаново-медовых глаз за долю секунды превратился в два сканирующих луча. Лин-на физически ощутила, как её осмотрели с головы до ног, признали, оценили и мысленно поставили клеймо: «Та самая».

— Простите за беспокойство, — безупречным, ледяным тоном начала Лин-на. — Господин Кан не поставил меня в известность, куда направляется. Мы нарушили ваши планы и немедленно...

Корейка с глазами француженки перевела на неё спокойный, изучающий взгляд. Она скользнула глазами по странно-

му полимерному комбинезону Лин-ны, задержалась на окровавленной повязке в прорези рваного рукава и, чуть развернувшись, указала рукой на дверь.

— Проходите. Быстрее. Не нужно, чтобы вас увидели соседи, — распорядилась она тоном, привычным к командам. — Обувь оставите в хёньгване. — И добавила, уже повернувшись к Тэ-хёну и указав на его грязную одежду: — И не вздумай наследить на веранде, как в прошлый раз. Я только вчера отмыла настил.

Лин-на упрямо поджала губы и встала как вкопанная. Она всё ещё надеялась, что Тэ-хён опомнится, деликатно отступит, и они уедут искать мотель. Но её спутник был непреклонен.

Он с не меньшим упрямством потащил её в дом, следом за неприветливой хозяйкой. Показал ей место, где можно оставить обувь. И, пока Лин-на прижимала к себе раненную руку, сам помог ей развязать шнурки и снять ботинки.

— Тэ-хён, что ты делаешь? — приглушённо зашептала Лин-на, над его склонённой макушкой. — Ты подвергаешь опасности эту женщину. Мы можем пойти в мотель.

— В мотель тебе нельзя, — так же тихо, но достаточно веско произнёс этот удивительный человек, чьи терпение и честность, начинали не то изумлять, не то раздражать её, и поднял на неё изуродованное ударом лицо. — Не беспокойся, Хан-на друг. Ей можно доверять. А о моём знакомстве с ней не знает даже Пан-сок. Здесь ты будешь как в тихой

гавани.

«Да ужасели он не понимает, как это неловко?! — бушевал внутренний голос Лин-ны. — Он ставит и меня, и эту женщину в идиотское положение». Если бы не безупречные манеры хозяйки, она бы уже развернулась и ушла, невзирая на любые возражения. Но выглядеть грубой в глазах Хан-ны было ниже её достоинства.

Лин-на ещё раз окинула взглядом дом, который удивил её не меньше сада. Вместо привычной провинциальной архитектуры — приземистых построек семидесятых с яркими двускатными крышами или монументальных кирпичных коробок с унылыми надстройками, какими был застроен весь этот пригород, — здесь царило гармоничное смешение стилей.

Изящная мансарда и просторная, огибающая здание терраса с белоснежными столбами выдавали французское колониальное влияние. Чужеземные формы с высокими окнами, на фоне стен из тёмного кирпича, проглядывавших сквозь каскады цветущих глициний, сочетались так же естественно, как европейские глаза на корейском лице владелицы.

Здесь всё говорило о смешении кровей и стилей, хорошем вкусе и интеллигентном прошлом семьи.

Переступив порог, Лин-на оказалась в просторной, уютной гостиной. Тэ-хён молча указал ей на диван, а сам прошёл в зону кухни, где его уже ждала хозяйка, скрестив руки на груди и явно требуя объяснений.

Всё время, пока Тэ-хён разговаривал с Хан-ной на кухне — отделённой от гостиной лишь обеденным столом, — Лин-на сидела на диване, напряжённо выпрямив спину. Роль просительницы казалась ей унижительной, но рассудок трезво напоминал: любой мотель, не говоря о крупных гостиницах, сейчас смертельно опасен. Даже если бы там не спросили документы, нельзя гарантировать, что владельцы не сдадут её людям Чо Тэ-сана или Ким Чу-хо, рыскавшим по Сеулу. А этот дом с его живой историей уже подкупал вкрадчивым, дышащим покоем. Здесь она могла бы перевести дух на день-два и решить, как действовать дальше.

Тэ-хён и Хан-на договорились на удивление быстро. То ли хозяйка слишком торопилась на работу и у неё просто не оставалось времени на споры и лишние расспросы — нужно было либо немедленно выставить их за дверь и запереть дом, либо впустить, оставив все разборки на потом. То ли Тэ-хён знал к ней особый подход. Ни один из вариантов Лин-не не нравился.

С мрачным отрешённым видом она следила за тем, как хозяйка достала с верхних полок коробку с медикаментами, и ловко, между слов, обработала раны на лице Тэ-хёна, наклеив на переносицу телесного цвета пластырь.

И всё же она вздохнула почти с облегчением, когда они разом повернулись в её сторону. Дело было решено.

Хан-на бросила Тэ-хёну связку ключей, сверилась с часами и быстро вышла на террасу. Прихватив с собой коробку с

медикаментами, Тэ-хён медленно подошёл к дивану, на котором Лин-нна сидела, опустился перед ней на корточки и тихо заглянул в лицо. В его глазах читалось что-то по-щени-чьи трогательное и одновременно твёрдое, требовательное.

По спине Лин-ны пробежал лёгкий холодок — она впервые почувствовала, что испытывает мужское терпение на прочность. До неё наконец дошло: она для этого человека больше не начальница. И если он всё ещё сносит её выходки, то лишь из безграничной преданности. Однако и у его выдержки есть предел.

— Ты останешься здесь. Хан-на разрешила, — негромко произнёс он. — Никуда не выходи и не высывайся на улице. Чтобы соседи тебя не увидели. Еды в доме достаточно. Можешь устроиться прямо тут или подняться наверх. К вечеру вернётся Хан-на и о тебе позаботиться.

Он говорил с ней как с капризным ребёнком, словно упрашивал послушаться. Из-за этого тона фирменное упрямство Лин-ны вспыхнуло с новой силой, требуя немедленного отпора, но она сдержалась. Понимала, насколько это будет несправедливо.

Она искренне не понимала, почему этот мужчина так с ней возится. Любой другой на его месте давно бы ушёл, как не раз делали мужчины в её прошлом.

Тэ-хён оставался для неё неразрешимой загадкой.

Она заглянула прямо в угольную глубину его глаз, выискивая подвох. Но мужчина смотрел открыто, без лукавства,

и от этой душевной прямоты Лин-не стало не по себе.

— А ты? — спросила она, прищурившись.

Тэ-хён молча рылся в ящике с медикаментами.

— Я вернусь в Санбалам. Моё долгое отсутствие могут истолковать превратно. Не хочу вызывать лишних подозрений у Председателя. Тебе ведь всё ещё нужны свежие сведения из Дома? — он взял ножницы и срезал остатки рукава с её костюма, облегчая доступ к ране.

— Чо Тэ-сан уже мог что-то заподозрить, — предупредила его Лин-на, следя за его действиями.

— Пусть подозревает. Бандиты возле клуба вряд ли успели меня разглядеть. А поскольку рядом с тобой меня никто раньше не видел, одних догадок шефу безопасности будет мало. Я смогу убедить Чо Тэ-сана, что не имею к твоим делам никакого отношения. А когда всё немного утихнет, постараюсь приехать, и мы подробно всё обсудим.

Продолжая говорить, он снял окровавленную повязку и тщательно промокнул края раны чистой салфеткой.

— А до тех пор оставайся у Хан-ны. И пожалуйста, не сбегай как в прошлый раз. Мне будет очень сложно искать тебя по всему городу.

Лин-на зашипела от боли, когда пенящийся антисептик капнул на открытый срез. Тэ-хён не дал ей спрятаться за этим нехитрым спектаклем. Чуть потянул руку к себе.

— Обещай меня дождаться, — потребовал он с какой-то странной садистской интонацией, словно угрожал отгрызть

ей руку, если она будет противиться.

— Хорошо, — согласилась она, опасаясь, что он снова за-
льёт порез едким раствором.

Но Тэ-хён только растёр её ладонь нежным успокаиваю-
щим движением и наложил широкий бактерицидный пла-
стырь на порез.

Рассудительный тон Тэ-хёна и его спокойные уверенные
манипуляции окончательно заставили её капитулировать.
Волна неосознанного, яростного бунта, зревшая внутри, вне-
запно сошла на нет. Лин-на понимала: он говорит разумные
вещи. Сама она сейчас понятия не имела, что делать, и ей
требовалось время. Возразить было нечего. Будь у неё в го-
лове хоть какой-то внятный план, она бы ни за что не пошла
на поводу у его решений.

— Как думаешь, ты сможешь незаметно попасть в мою
квартиру и забрать вещи?

— Думаю, да, — Тэ-хён вдумчиво кивнул.

— Тогда забери в первую очередь мой блокнот. Ноутбук
они так просто не взломают, а вот если блокнот попадёт в
чужие руки, будет катастрофа.

— Я достану его. Если пообещаешь сидеть тихо.

— Обещаю, — твёрдо сказала Лин-на.

И дело было не только в желании поскорее спровадить Тэ-
хёна. Она привыкла держать слово и знала: прежде чем что-
то получить, нужно что-то отдать. Тэ-хён дарил ей свою лю-
бовь и преданность. Она обязана была ответить ему хотя бы

честностью и доверием.

Договорившись обо всём, они расстались. Тэ-хён уехал вместе с Хан-ной на её машине, а Лин-на осталась одна в чужом доме — наедине с сомнениями и страхом перед будущим. Туман в голове так и не рассеялся. Она до сих пор не видела пути.

До недавнего времени её жизнь казалась понятной и прожитой, всё было разложено по полочкам: засадить Чакаля, уничтожить Канджона, гарантировать «Синджин» стабильность. А после — с чистой совестью вернуться в Европу, где её ждала такая же предсказуемая, сытая безопасность.

Вторжение Тэ-хёна сломало этот сценарий. Прежний маршрут теперь казался убогим и мёртвым. Он вёл в пустоту. Тэ-хён — сам того не понимая, — показал, что жизнь может быть другой. Вот только на новой дороге было столько слепых зон, что каждый шаг напоминал ходьбу по зыбучему песку.

Утром она была полна решимости оборвать всё это. Исчезнуть. Не ломать парню жизнь своей проклятой судьбой.

Но не смогла. По самой банальной, идиотской причине — она просто не нашла дорогу назад, к машине.

Глава 1. На пороге войны

Тэ-хён уезжал от дома Хан-ны с чувством выполненного долга. Он сделал всё, чтобы обезопасить Лин-ну хотя бы на время, дать ей возможность залечить раны. *«Прости меня, Хан-на»*. Это было эгоистично по отношению к подруге, но иного выхода он не видел.

Он хотел не просто спрятать Лин-ну. Ему нужно было выиграть время, быть уверенным, что она снова не сбежит. Никакие замки и затворы консилъеры не остановили бы, но уют, тишина и чужая забота могли привязать её к месту хотя бы ненадолго. Она отчаянно нуждалась в покое.

А вот внутри у самого Тэ-хёна покоя не было. С той секунды, как он обнаружил пустую постель, в груди словно оборвался натянутый трос. Пришло трезвое понимание: ничего из того, о чём он мечтал, с Лин-ной не будет. Он потому и отпустил её так легко, без скандала, что осознал — она его не любит.

Нежность, ласка, ночные разговоры о прошлом — всё это было лишь следствием душевного надрыва. Рана открылась и сочилась кровью, а их близость сработала как временное обезболивающее для израненных тел. Но она не исцелила Лин-ну. Она так и не смогла принять его всего, без остатка.

И эта очевидность резала больнее любого ножа.

Он уже почти смирился с мыслью, что она ушла навсегда. Настроил себя на это. А потом спустился по каменным ступеням с утёса, морально готовясь шагать до деревеньки Тонмак-ри пешком, и увидел её. Лин-на сидела на приступке перед ханокком так, словно никуда и не исчезала. Строгая, собранная. Его куртка лежала рядом.

Тэ-хён так и не понял, что почувствовал в ту секунду. Радости точно не было. Кому понравится, когда бьют в одно и то же незащищённое место раз за разом.

Лин-на подняла на него взгляд. В её серо-зелёных глазах плескалась волна — обманчиво спокойная, как вода в запруде. Никакие внутренние бури не отражались на поверхности.

— Попрощался с монахом? — не столько спросила, сколько констатировала она.

Тэ-хён посмотрел на неё долгим взглядом, пытаясь понять, что с этой женщиной не так и почему он не может на неё даже рассердиться. В груди клокотала глупая, почти детская обида. Из последних сил он сдерживал порыв выплеснуть её Лин-не в лицо.

А она словно нарочно не замечала его состояния.

— Я хотела спуститься с горы, но туман мне не позволил, — обронила Лин-на так, будто речь шла о пустяковой прогулке. — Кажется, без твоей помощи мне отсюда не выбраться.

Её губы дрогнули в подобии улыбки, но в глазах осталась тёмная грусть, словно над озером набежала туча.

— Ты хотела уйти, не сказав мне ни слова?! — всё-таки вырвалось у него. — И это после всего, что вчера было?

Он ожидал увидеть хоть каплю вины, но Лин-на лишь опустила взгляд на свои колени.

— Я не вправе подвергать тебя опасности. Это только мой путь.

— Ну так иди им сама! — взорвался Тэ-хён. Он резко махнул рукой в сторону ворот, ведущих к лесной тропе. — Иди. Просто шагай по тропе, раз тебе никто не нужен. Туман рассеялся!

Он тяжело перевёл дыхание. Слова вылетали жёсткими, бьющими по её самолюбию и гордости. Тэ-хён прекрасно понимал: она могла уйти в любую минуту, не дожидаясь его возвращения из монастыря. Туман сошёл ещё полчаса назад. Не имело никакого смысла сидеть здесь на крыльце. И всё же она сидела.

— Ты... Ты ненормальная. Ты даже с горы спуститься одна не можешь, — выдохнул он, остывая. — Ты ранена, истощена, тебя преследуют. Но ты всё равно упрямо отказываешься от помощи. Ты хоть понимаешь, что сама себя загоняешь в ловушку?

Лин-на лишь горько усмехнулась. От его окрика из ближних кустов встрепенулись и с тихим чириканьем разлетелись птички. Резкий, полный жгучих эмоций человеческий голос в этом святом безмолвии звучал дико и неуместно.

Тэ-хён провёл ладонью по лицу, заставляя себя успоко-

иться.

— Я понимаю, ты вымоталась. Тебя одолевают сомнения. Но уясни хотя бы одну вещь: я тебе не враг. И никогда не сделаю того, что причинит тебе вред. Не любишь меня, не хочешь видеть рядом — хорошо. Я больше не полезу к тебе со своими чувствами. Но признай: в одиночку ты эту ситуацию не вывезешь. Мы ведь обо всём договорились ещё вчера. Действуем сообща. Я просто помогу тебе дойти до цели. Теперь это и моя война, не забывай. В команде работать эффективнее. Раз не умеешь доверять, будь мозгом операции. А всю грязь и организацию я беру на себя.

Лин-на промолчала. Она продолжала смотреть на него с той же глухой, непонятной грустью. Эта её манера вести диалог, не произнося ни слова, порой бесила Тэ-хёна. В этом считывалось даже не столько недоверие, сколько физическое неприятие звуков собственного голоса.

Он принял её молчание за капитуляцию.

— Пойдём. Нужно выбирать. Отвезу тебя в надёжное место — отлежишься, восстановишь силы и решишь, как быть дальше.

Злость внутри так и не перегорела. К машине Тэ-хён шагал размашисто, впереди, ни разу не обернувшись. Он подсознательно боялся: стоит взглянуть на неё — и вся напускная жёсткость осыплется пеплом. Он снова попадёт под её чары, растает, забудет, как дышать, и превратится в податливую глину.

Лин-на подобрала его куртку и молча пошла следом — послушная, но строго соблюдающая безопасную дистанцию.

* * *

Они долго шли по горной тропе молча. Тэ-хён принципиально не оглядывался, чтобы проверить, как она справляется. После вчерашнего ливня грунт подсох и местами осыпался под ногами. В какой-то момент позади послышался шорох — нога Лин-ны соскользнула с осыпи, и она начала сползать вниз, тщетно цепляясь за ветки кустов.

Тэ-хён перехватил её в секунду, когда она уже готова была рухнуть на камни. На мгновение задержал в объятиях, чувствуя её хрупкость, а затем твёрдо поставил на ровную землю, как куклу. Сильно сжал её плечи.

— Ты вообще когда-нибудь ходила в походы?

Он искренне удивлялся и злился на её неловкость. Лин-на только выглядела подготовленной, но физически к реальным трудностям казалась совершенно нелепой. Это в коридорах «Синджин Тауэр» она чеканила шаг с абсолютной уверенностью, а на горной тропе пасовала. И эта женщина собиралась бросить его и уйти в одиночку?!

— Нет, — Лин-на попыталась отпрянуть, испуганная его напором. — Я не могу уметь всё. И я не готовилась стать шпионом.

Тэ-хён едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. В этом футуристичном комбинеzone она смотрелась неуместно. Ей бы шпильки и узкую юбку, чтобы эффектно смотреться на

мраморе корпоративных раутов, а не этот глупый наряд. Дорогое снаряжение лишь создавало опасную иллюзию, будто она способна на трюки. Теперь её поход в кабинет Чакаля казался Тэ-хёну чистым, запредельным безумием. И всё же в отчаянной решимости консьюери нельзя было отказать. Это был не глупый авантюризм, а готовность идти до конца.

Он слегка встряхнул её за плечи, намереваясь вдолбить в эту упрямую голову, что без подготовки такие игры смертельно опасны, но тут спецназовское чутьё заставило его осечься. Мышцы Тэ-хёна мгновенно подобрались.

Лин-ну резкая перемена в его поведении озадачила, но он уже не смотрел на неё.

— Что случилось? — шёпотом спросила она, с тревогой наблюдая, как он сканирует взглядом сомкнувшиеся над головой верхушки сосен.

— Птицы... — едва слышно обронил Тэ-хён. — Только что пели. И вдруг разом замолкли.

— Должно быть, нас испугались.

Тэ-хён так не думал. Они шли достаточно аккуратно.

Одним слитным движением, не снимая ладоней с её плеч, он утащил Лин-ну в густой кустарник в стороне от тропы. Мягко, но непреклонно заставил опуститься на влажную землю и прижал её голову к траве.

Приложив указательный палец к губам, он пресек любые вопросы и жестом приказал замереть.

Снизу по склону донёлся отчётливый хруст сушняка под

тяжёлыми шагами.

Спустя минуту на то самое место, где они только что стояли, вышли двое. Мужчины. Жилистые, поджарые, как гончие псы. Оба в чёрных майках, открывающих покрытые табуировками руки. Один — высокий, с лицом, изъеденным глубокими шрамами. Второй — коренастый, с укороченным автоматом на ремне.

«*Не местные. Профессионалы*», — мгновенно определил Тэ-хён, не сводя с них глаз.

Старший остановился и цепко огляделся, подмечая каждую мелочь. Напарник чуть не налетел на него сзади, неуклюже озираясь:

— Ты чего?..

— Тсс, — первый прижал палец в тактической перчатке к губам, а затем поднял руку на уровень уха, прислушиваясь к лесу.

Тэ-хён затаил дыхание и опасливо скосил глаза на Лин-ну, боясь, что она выдаст их случайным движением или тяжёлым вздохом. Но консьюеры лежала неподвижно, почти не дыша.

— Я что-то слышал, — неуверенно произнёс Высокий.

Младший слишком шумно затоптался на месте, осматривая зелёнку. Его взгляд скользнул по зарослям, где затаились Лин-на и Тэ-хён, но ничего не заметил.

— Ты уверен, что они ушли в горы? Здесь никого нет, — сиплым от курения голосом добавил он.

— Не знаю. Местные говорят, наверху есть монастырь, — ответил Высокий. — Могли укрыться на ночь.

— Да они могли бросить машину у базы и уйти дворами.

— Куда? Ливень стеной шёл, да и баба ранена. Ей нужна была крыша над головой.

Поведение Высокого Тэ-хёну не нравилось. Тот не спешил двигаться дальше, словно что-то почуял. Тэ-хён до упора напряг мышцы, готовый к взрывному броску.

— Какого чёрта мы вообще ищем эту суку? — возмутился Сиплый.

— Слишком много знает, — Высокий сплюнул на тропу.

— Приказ: живой не оставлять.

— Говорят, баба видная. Стала бы отличной игрушкой в клубе...

— Ты с ней поосторожнее. Она Мичхин Паку горло перерезала. А он был не из последних бойцов. Чакаль лично хотел с ней разделаться, да не успел.

— Теперь уже не разделается. Сам нары греет. А мы должны слушаться его дружка.

— Ничего, Кын-хённим его вытащит. Пошли.

Высокий сделал шаг вверх по тропе, но это был обманный манёвр. Он вдруг резко, всем корпусом развернулся и установился прямо в их кусты. В его ладони хищно блеснуло лезвие короткого боевого ножа.

Тэ-хён не стал ждать.

Пружина внутри него лопнула. Он рванулся из кустов

мёртвой петлёй, низко, почти у самой земли, уходя с линии возможного замаха. Высокий успел лишь дёрнуть рукой с ножом, когда Тэ-хён врезался плечом ему в пах, сбивая дыхание и опрокидывая навзничь.

Они рухнули на каменистую тропу. Тэ-хён намертво перехватил запястье чужака с зажатым клинком, вжимая его в грунт. Высокий оказался чертовски силён — жилистый, манёвренный, он коротко и страшно ударил Тэ-хёна лбом в переносицу. Глаза на мгновение затопило багровой вспышкой, во рту разлился солоноватый вкус крови.

Превозмогая тошноту, Тэ-хён навалился всем весом и нанёс хлёсткий удар локтем снизу вверх, метя в челюсть противника. Времени на возню не было. Секундным усилием он упрямо развернул брыкающееся тело Высокого, накрываясь им сверху, стараясь держать его на линии огня и на пути к кустам, не давая второму бандиту зайти со спины и поймать себя на прицел. Он почти дожал руку Высокого с ножом до камней, когда из зарослей раздался глухой, болезненный вскрик.

Тэ-хён вывернулся, рывком приложил Высокого к земле так, что тот ослаб и обмяк, и готов был добить его прямым в лицо.

— Стоять!

Коренастый уже стоял у края зарослей. Он грубо держал Лин-ну перед собой, намотав её волосы на кулак. Выхватив ствол из-за спины, он нацелил его на Тэ-хёна.

— Шагнёшь — определю обоих, — сиплым голосом рявкнул он.

Тэ-хён медленно отпустил Высокого и поднял руки, глядя в дуло автомата. Но консильери не собиралась быть живым щитом.

Несмотря на раненное плечо, она резко просела, одновременно ломаным движением вскинула обе руки вверх, фиксируя пальцы на руке бандита и прижимая его ладонь к своей голове, заставила сместить центр тяжести. Тэ-хён лишь мельком увидел, как она всем весом повисла на этой руке и крутанулась вокруг своей оси, напроочь ломая бандиту захват.

Раздался хруст вывернутого сустава преследователя. Не давая ему опомниться, Лин-на с разворота вбила ботинок в голень Сиплого.

Коренастый парень взвыл, его палец судорожно дёрнул спусковой крючок. Короткая автоматная очередь ушла в кусты, срезая сосновые ветки.

Этого Тэ-хёну хватило. Оставив Высокого, он разорвал дистанцию и коршуном бросился на Сиплого. Мужчины сцепились и покатались по склону. Тэ-хён перехватил автомат, выворачивая его из рук бандита, и с размаху впечатал коренастого бандита затылком в оголённый корень дерева. Тот обмяк, но Тэ-хён для верности коротко и жёстко добил его прикладом в основание черепа. Сиплый уронил голову на бок и затих.

Сзади метнулась тень.

Тэ-хён запоздало понял, что совсем забыл про тыл. Высокий уже навис над ним со спины, его нож неумолимо шёл по дуге прямо к горлу Тэ-хёна. Спецназовец успел лишь вскинуть руку для блока, зная, что не успевает...

Хруст. Глухой, резкий удар, словно раскололся спелый арбуз.

Лезвие ножа остановилось в паре сантиметров от шеи Тэ-хёна и упало. Глаза Высокого остекленели, на лоб хлынула тёмная струя. Он покачнулся и тяжело рухнул лицом в землю.

За его спиной, тяжело и хрипло дыша, стояла Лин-на. В её руках был зажат массивный, окровавленный кусок гранита. Весь комбинезон был в пыли и сосновых иголках, раненое плечо снова промокло красным, но взгляд зелёных глаз остался ледяным и абсолютно трезвым. Она медленно разжала пальцы, и камень с глухим стуком упал возле тела.

Тэ-хён обмяк, позволив себе эту секундную передышку. Они только что были на волосок от смерти, но выжили. И он не мог сказать, что одолел врагов в одиночку — Лин-на оказалась полноценным напарником. Возможно, консильери и не умела принимать помощь, но сдаваться до последнего точно не собиралась, выискивая любую лазейку. И сейчас её упрямство спасло им обоим жизнь.

Перевалившись на бок, он скинул с себя тяжёлое тело бандита и поднялся на колени. В голове гудело, из разбитого но-

са на подбородок капала кровь. Тэ-хён заставил себя встать на ноги и положил ладонь на плечо Лин-ны — не то оберегая, не то держась за неё, как за последнюю опору.

— Надо уходить, — прохрипел он. — Скоро придут остальные.

Поддерживая друг друга, они двинулись вниз. Автоматная очередь в горах наверняка послужила сигналом для остальной группы преследователей, поэтому рисковать Тэ-хён не собирался.

Они сошли с натопанной тропы и начали продираться сквозь дикие заросли, ежесекундно рискуя сорваться с крутого склона.

Когда они окольными путями вышли к заброшенной базе, худшие опасения подтвердились: у их машины уже крутились боевики. К «Киа» было не подобраться. Зато в стороне, под навесом, стоял мощный рамный джип, на котором приехали сами наёмники. Возле него дежурил всего один часовой.

Тэ-хён снял его быстро и чисто — отработанным армейским приёмом, не дав издать ни звука. Лин-на, прижимая к себе раненую руку, скользнула на пассажирское сиденье. Ключей в замке зажигания, разумеется, не оказалось.

Сложившись в три погибели, Тэ-хён нырнул под рулевую колонку. Пара секунд, хруст пластика, короткий скрежет — он рванул жгут проводки и соединил нужные жилы напрямую. Вспыхнула искра, стартер чихнул, и мощный мотор

глухо взревел.

Не дожидаясь, пока оставшиеся на базе бандиты поймут, что их перехитрили, Тэ-хён прыгнул в кресло, вдавил педаль газа в пол и с пробуксовкой вывернул на разбитую просёлочную дорогу.

Теперь ставку стоило делать только на скорость. Если бандиты отслеживали их по камерам, то могли засечь джип в любую секунду. Нужно было опередить время. Тэ-хён гнал по трассе, игнорируя правила, пока они не углубились в закоулки пригорода. Там, между серыми бетонными заборами промзоны, они бросили угнанную машину и пешком укрылись в лабиринте складских помещений.

Только здесь они получили минутную передышку. Лин-на омыла лицо Тэ-хёна водой из пластиковой бутылки, которую прихватила из бардачка джипа. С распухшим носом он выглядел жутковато, но серьёзных повреждений ни у него, ни у неё не было. Разве что рана на руке Лин-ны снова открылась и начала сочиться.

— Нам нужно держаться вместе. Теперь ты понимаешь? — спросил он, глядя ей в глаза.

Лин-на устало кивнула.

Позже она кое-как привела себя в порядок, спрятала раненую руку под его курткой, и поймала такси на окраине шоссе. Именно тогда Тэ-хён и назвал водителю адрес Хан-ны. Это было первое, что пришло ему в голову, и вариант казался беспроегрышным. Пригород Сеула, минимум дорожных

камер, тихий частный сектор — идеальное место, чтобы за- таиться.

В тот момент Тэ-хён даже не подумал, как этот визит вос- примет сама Хан-на. Да и Лин-на тоже. Теперь жалеть позд- но. Хан-на уж как-нибудь его простит, хотя он до конца жиз- ни останется у неё в долгу.

А Лин-на... О том, что творилось в её голове, он и думать не хотел. Наверное, в очередной раз клеймила его бабником, у которого в каждом районе Сеула припрятано по бывшей подружке. Пусть думает что хочет. Главное — она под на- дёжным прикрытием.

* * *

Тэ-хён моргнул, возвращаясь в реальность. Воспомина- ния рассеялись под мерный гул автомобильного двигателя.

Он сидел на пассажирском сиденье старенького «Хёндэ», а за рулём, уверенно лавируя в утреннем сеульском потоке, сидела Хан-на. Она, как и обещала, подождала, пока он за- кончит тяжёлый разговор в гостиной, чтобы подбросить его до города.

Хан-на молча крутила руль. По её профилю Тэ-хён видел, что внутри у неё кипят вопросы, которые она из вежливо- сти сдерживала при Лин-не. Наконец, когда они выехали на шоссе, она нарушила тишину:

— Во что ты ввязался, Тэ-хён? — её голос прозвучал ти- хо, но требовательно. — Эта женщина... От неё одни непри- ятности. У неё что, нет своей охраны?

Тэ-хён вздохнул, глядя на пролетающие за окном серые бетонные кварталы пригорода. Ему меньше всего хотелось вытягивать Хан-ну в разборки конгломерата, но и лгать ей после того, как она пустила их в дом, было свинством.

— За ней охотятся бандиты Чакаля, — хмуро признал он, тронув пальцами распухшую переносицу. — Всё сложно, Хан-на. Её выставили из «Синджин», и теперь она осталась без защиты. Я не могу рассказать детали ради твоей же безопасности. Просто... присмотри за ней день-два. Она не доставит хлопот, ей нужно отлежаться.

Хан-на резко перестроилась в левый ряд и коротко глянула на него своими глубокими глазами:

— Я присмотрю. Ради тебя. Но ты ведь понимаешь: если за ней придут, я не смогу им помешать? И ты... ты возвращаешься прямо к ним? Тэ-хён, это самоубийство.

— У меня есть план, — соврал он, хотя внутри была лишь глухая решимость идущего на амбразуру спецназовца. — Они не знают, что я причастен к побегу. Для них я просто уволенный телохранитель, который ошивается рядом. Высади меня у ближайшего метро. Два-три дня тишины — всё, о чём я прошу. За это время я найду способ вывезти её из страны. И всё закончится.

Хан-на покачала головой. Такое упрямство выходило за всякие разумные рамки. И всё же, сколько она его помнила, она ещё никогда не видела Тэ-хёна таким живым.

* * *

Едва оказавшись в Санбаламе, Тэ-хён ощутил ту особую нервозность, что наполняет дом накануне катастрофы. Поместье гудело, будто растревоженный улей. Воздух наэлектризовался до предела — достаточно было искры, чтобы всё взлетело на воздух. Слуги не ходили — метались мелкими перебежками. Госпожа Квон застыла посреди холла, раздавая бессмысленные поручения, тут же их отменяя и доводя горничных до слёз.

«Опять Тиффани чудит», — мелькнуло в мыслях. Но дочери Председателя нигде не было видно.

Тэ-хён рассчитывал расспросить обо всём Пан-сока и направился к камере, которую тот упорно именовал своим кабинетом.

Стоило толкнуть дверь, как он словно попал в колл-центр. Пан-сок прижимал трубку плечом к уху и яростно барабанил по клавиатуре:

— ...Да, выясни это немедленно. Мне нужны все сведения, какие добудешь... Никаких «к вечеру». Сегодня, как можно скорее!

— Что происходит? — спросил Тэ-хён, переступая порог.

Пан-сок оторвал взгляд от экрана, открыл было рот, но осёкся и уставился на друга. Его глаза округлились.

— Айгу... Чёрт, Тэ-хён, что с лицом? Тебя под самосвал бросило?

— Нарвался на пьяных отморозков у круглосуточного, — хмуро соврал Тэ-хён, слегка коснувшись пластыря на пере-

носице. — Ерунда. Зацепили вскользя.

Пан-сок скептически прищурился, явно не поверив ни единому слову, но развивать тему не стал. Он отложил трубку в сторону.

— Где тебя носило?

— Меня не было всего сутки, — буркнул Тэ-хён, вспомнив, что ещё вчера в это же время стоял здесь и докладывал о делах «Кёнсон Логистик». — И это был выходной.

— Прости, — вздохнул Пан-сок, потирая виски. — Голова идёт кругом. Я тебе оборвал телефон, а ты трубку не берёшь. Тут такое творится...

Тэ-хён вспомнил про смартфон, который включил на пару минут только ради оплаты такси, и полез в карман куртки:

— Пришлось отключить, аккумулятор сдох. Так что стряслось? Опять Тиффани?

— Потом, всё потом! — Пан-сок отмахнулся и, не давая другу опуститься на стул, потянул его к двери. — Председатель требует тебя к себе. Немедленно.

— Прямо сейчас? В таком виде?

Пан-сок словно только теперь по-настоящему оценил его потрёпанный вид и грязную куртку. Он молча рванул створку шкафа и выудил оттуда запасной тёмный костюм.

— Быстро переодевайся. Нечего в таком виде по Санбаламу светиться. Потом всё расскажешь, сейчас каждая секунда на счету.

Пока Тэ-хён на армейской скорости втискивался в брюки

друга и застёгивал чистую рубашку, Пан-сок измотанно мерил шагами каморку.

— Всплыли проблемы с той конторой, которую мы раскапывали, — «Кёнсон Логистик», — вполголоса объяснял Пан-сок. — Председатель рвёт и мечет.

— Что именно с ней? Начали официальное расследование?

— Да хрен его знает! — отвечал Пан-сок, пока они быстрыми шагами отмеряли переходы резиденции. — Только старик поднял на уши вообще все службы. Требуется найти её. Он задержался перед Древом и повернулся к другу.

— Тэ-хён, ты понимаешь, если твои сведения оказались липой, нас с тобой живьём съедят.

У Тэ-хёна внутри всё похолодело, но лицо осталось каменным.

— С чего такие подозрения? Думаешь, я всё выдумал?

Но Пан-сок уже шагнул в глубину полутёмного коридора, и остановившись перед массивной дверью из тёмного дерева — точь-в-точь как в первый день Тэ-хёна в этом доме — одёрнул пиджак, выпрямился струной и чётко отчеканил:

— Господин Председатель, консультант по безопасности Кан прибыл.

Ответа изнутри не последовало, но Пан-сок уже отодвинул створку, пропуская друга вперёд.

— А ты не войдёшь? — не оборачиваясь, шёпотом бросил Тэ-хён через плечо.

— Потом зайди ко мне, — едва слышно выдохнул Пансок, не поднимая глаз.

Тэ-хён сделал глубокий вдох, умиряя взлетевший пульс, и шагнул в полумрак кабинета по-военному чётко.

Всё было как обычно: дорогой ковёр глушил шаги, кисейные шторы смягчали дневной свет, чайный столик стоял на своём месте, будто приглашая к отдыху. И всё же Тэ-хён сразу почувствовал, что интерьер стал мёртвым. Чего-то критически не хватало.

Он вспомнил свой первый визит сюда. Тогда на столике красовался сервиз на двоих, а из носика фарфорового чайника ещё вился едва заметный пар. Тогда Тэ-хён не придавал этому значения. Теперь он знал наверняка: за бамбуковой ширмой сидела женщина. И тонкий восточный аромат, уловленный им сквозь терпкий запах дорогих сигар, принадлежал ей.

Сколько он здесь служил, Лин-на всегда присутствовала в этом кабинете, оставаясь его неотъемлемой частью и влияя на любые ключевые решения. Вот и в тот день она слушала из своего укрытия, взвешивала каждое слово, оценивала нового телохранителя. Личная советница Председателя. Старик Чжин во всём полагался на её мнение. Не она ли тогда отговаривала его брать Тэ-хёна на службу?

Но сейчас её здесь не было. Ни в комнате, ни за ширмой, ни вообще в Санбаламе. Без неё пространство казалось выпотрошенным.

Председатель и секретарь Чон склонились над массивным столом, напоминая полководцев перед обречённым сражением. С портрета на стене на них взирал суровый офицер в форме японской императорской армии — безмолвный свидетель тайн прошлого. Только вместо карты мужчины изучали бумаги: ворох отчётов, банковские выписки и пометки размашистыми красными чернилами.

Тэ-хён остановился в центре комнаты и негромко кашлянул, обозначая своё присутствие.

Председатель Чжин медленно поднял голову. Тяжёлый взгляд из-под стёкол очков так и пылал яростью.

— Явился? — глухо процедил старик. — Как это, по-твоему, понимать, Кан?

Небрежным, но резким жестом он ткнул пальцем в экран лежащего на столе планшета.

Тэ-хён не мог разглядеть дисплей с такого расстояния. Секретарь Чон молча обошёл стол, взял устройство и развернул экраном к нему. Пришлось сделать несколько шагов вперёд.

На стекле светился официальный документ. Сначала Тэ-хён не понял, куда смотреть. Но стоило вчитаться в сухие строчки, как сердце тяжело ухнуло куда-то вниз.

Официальный ответ из прокуратуры гласил: фирма «Кёнсон Логистик» никогда не фигурировала в материалах дела о хищении военного имущества. Ниже шла свежая выписка из электронного реестра юридических лиц KBRIS. Соглас-

но электронной базе данных, компании с таким названием в Южной Корее в принципе никогда не существовало.

Тэ-хён хрипло, коротко усмехнулся. Звук получился жутким.

— Этого не может быть... — выдохнул он, чувствуя, как в горлу подступает ледяная ярость. — Значит, если верить бумагам, хищений на военных складах не было? И «Кёнсон Логистик» никогда не существовала? Выходит, господин Председатель, я почти четыре года в тюрьме строгого режима просто так просидел? За компанию?

— Ты мне скажи, Кан, — Председатель Чжин впился в него взглядом. — Именно ты принёс мне эти сведения. Опираясь на них, я бросил тень на репутацию уважаемого человека — брата моей жены. А теперь передо мной официальные государственные бланки. Как ты это объяснишь?

— Это фальшивка! — Тэ-хён вскинул голову, напрочь забыв о субординации. — Документы в архивах подменили! У Канджона везде свои люди!

— Переписать данные в защищённом цифровом реестре министерства?! — Председатель хрипло фыркнул с горькой, злой иронией.

Тэ-хён онемел, понимая, насколько безумно для гражданского человека звучат его слова. Но он-то знал изнанку этого мира.

— Только на основании вашего рапорта Председатель назначил внеплановый аудит и поднял на ноги весь финансо-

вый отдел конгломерата, — ледяным тоном вмешался секретарь Чон. — А теперь выясняется, что нам скормили дезинформацию? Из-за вашей «ошибки» господин Председатель едва не спровоцировал открытую войну внутри семьи Чжин.

— Но информация верна! — жёстче отчеканил Тэ-хён, заставляя себя успокоить дыхание. — Преступление было, и следы вели именно туда. У меня сохранились дубликаты накладных, скрытые банковские переводы... Если позволите, я принесу их прямо сейчас. Это всё спланированная акция, чтобы скрыть следы. Это дело рук...

Он едва не выплюнул имя Чо Тэ-сана, но вовремя прикусил язык. Бездоказательные обвинения в адрес шефа безопасности сейчас окончательно похоронили бы его самого.

— Я всё выясню, — твёрдо, глядя прямо в глаза старику, произнёс Тэ-хён. — Информация верна. Я вас не обманывал, господин Председатель.

— Как бы то ни было, — глухо проворчал Председатель, — внеочередное заседание совета директоров уже назначено. Отменить его я не могу. Если твои сведения окажутся пустышкой, Кан потребует сатисфакции. Он вчинит иск за клевету, акции конгломерата рухнут, инвесторы устроят панику. И на Совете Канджону хватит голосов карманных директоров, чтобы предложить мне «временно» сложить полномочия... Разумеется, ради блага компании.

Старик тяжело провёл ладонью по лицу.

— Как же мне не хватает Лин-ны... Где её черти носят?!

Тэ-хён сделал шаг вперёд. Внутри всё горело от желания выложить карты на стол: рассказать про двойную игру Чо Тэ-сана, про банду Чакаля, про подмену цифровых баз и то, что Лин-на жива, в безопасности и готова драться. Но Председатель Чжин уже не смотрел на него. Его потухший взгляд упёрся в грудку бумаг.

— А с другой стороны... — пробормотал старик скорее себе под нос, чем собеседникам. — Если бы не её тайные махинации, «Синджин» сейчас не грозила бы проверка прокуратуры. И Пон-джун так не вовремя подставился...

Секретарь Чон бросил на Тэ-хёна косой, настороженный взгляд и негромко кашлянул:

— Господин Председатель. Мы не одни.

Чжин До-джун устало махнул рукой, приказывая консультанту по безопасности убираться.

Тэ-хён вышел в пустой коридор, прислонился спиной к прохладной деревянной панели и глубоко, судорожно вдохнул. Пульс стучал в висках. Пазл в голове наконец-то сложился, и от этой картины веяло могильным холодом.

Канджон и Чо Тэ-сан вели тотальную войну на уничтожение. Они не просто заметали следы — они вывернули ситуацию наизнанку, сделав Лин-ну виновницей всех бед «Синджин». И теперь от того, сумеет ли Тэ-хён убедить Председателя в реальном существовании «Кёнсон Логистик», зависела не только её жизнь, но и судьба всей империи Чжин.

* * *

Когда Тэ-хён, погружённый в свои мысли, толкнул массивную дверь, краем глаза он успел уловить смазанное движение. Внутренний холл Санбалама, как обычно, тонул в полумраке, а раскидистые ветви старого дерева, перевитые плющом, создавали глубокие тени.

У противоположной стены скользнул к служебному выходу беззвучный силуэт в тёмном костюме. Мужчина двигался слишком быстро и нервно для обычной прислуги. Тэ-хён мгновенно узнал эту манеру держать плечи и чуть сутулиться.

— Гиль-у! — негромко, но отчётливо окликнул он.

Силуэт не замедлил шаг. Не обернулся. Просто растаял в повороте коридора, ведущего к комнатам персонала.

«Странно, — зафиксировал Тэ-хён, анализируя дистанцию. — Он стоял всего в десяти шагах и не мог не услышать. Сознательно избегает встречи? Или я всё-таки обознался?»

— Что-то ты зачастил к Председателю, Кан, — раздался слева едкий, сочащийся желчью голос. — Уж не в личные ли конфидененты к старику записался?

Кан-гук. Он стоял у колонны, подпирая плечом изрезанный трещинами ствол. Руки в карманах брюк, взгляд — тяжёлый, как гранитное надгробие. От его прежней ленивой насмешливости не осталось и следа.

Тэ-хён окинул парня оценивающим взглядом. Раз разбить лицо у круглосуточного магазина в Сеуле можно за пару ми-

нут, то и скрывать побои в Санбаламе глупо — Кан-гук наверняка уже всё заметил, но счёл ниже своего достоинства задавать вопросы.

— Ты не видел здесь Гиль-у или Джин-ёна? Мне показалось, кто-то из них только что вышел отсюда.

Кан-гук злорадно фыркнул и оттолкнулся от колонны. Движения парня сделались тяжеловесными, словно он тащил на плечах неподъёмный груз чужой вины.

— Какое мне дело до него. С тех пор как госпожу Лин-ну вышвырнули из Санбалама, мы почти не пересекаемся. Парень пошёл на повышение, теперь он — младший дворецкий. Куда нам, дворовым псам, до него. Зазнался парень.

Тэ-хёна эта новость искренне удивила. Гиль-у — и вдруг дворецкий? С чего такой невероятный скачок для водителя? Но не это сейчас беспокоило его больше всего. В глухом голосе бывшего напарника отчётливо дрожала ярость, густо перемешанная с обидой за преданную хозяйку.

— Что-то случилось? — осторожно прощупал почву Тэ-хён.

— А ты как думаешь? — Кан-гук сделал шаг вперёд, и воздух между ними словно сгустился. — После того как ты заделался личной ищейкой, в этом доме всё пошло к чертям. Уж не ты ли подsunул Председателю те «доказательства», из-за которых госпожу Лин-ну выставили вон?

— Дружище, ты с ума сошёл? — Тэ-хён почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. — Я никогда...

— Никогда не шпионил за ней? Не строчил доносы? Не сливал Чо Тэ-сану каждый её шаг?

Тэ-хён на секунду прикрыл глаза. Объяснять что-то сейчас было бесполезно. Кан-гук видел лишь то, что лежало на поверхности: напарника, ставшего иудой. А настоящая правда — та, где шеф безопасности ведёт игру против Председателя, а Лин-на чудом выжила в лесу — оказалась слишком сложной для парня, чья верность измерялась простыми категориями: «свой» или «чужой».

— Я не могу сейчас ничего объяснить, — тихо, но твёрдо произнёс он. — Но когда-нибудь ты узнаешь, как всё было на самом деле.

— Нечего мне узнавать, — процедил Кан-гук. — Я тех, кому служу, за бабки не сдаю. А ты...

Он рванул руку из кармана, сгрёб лацканы нового пиджака Тэ-хёна в кулак и резко притянул к себе. Из его рта пахнуло горьким кофе и концентрированной злостью.

— Я всё видел своими глазами. Так что хорош строить невинную овечку.

— Да что ты мог видеть?! — сорвался Тэ-хён. Он попытался перехватить его запястье, но хватка Кан-гука оказалась железной.

Бывший напарник безрадостно усмехнулся — как человек, который для себя уже вынес приговор.

— Я знал, что Чо Тэ-сан мастер покупать дешёвых простачков. Но не думал, что ты из их числа, Кан. Разглядел бы

тебя сразу — прибил бы ещё в первый день.

Он резко толкнул Тэ-хёна в грудь, разжимая пальцы. Тот покачнулся. Неясный, удушающий стыд обжёг лёгкие, а кровь в раздробленной переносице запульсировала с новой силой.

Кан-гук развернулся и пошёл прочь к служебному выходу — ссутулившись, засунув руки обратно в карманы брюк, тяжёлой, размашистой походкой. Но через пару метров внезапно притормозил и обернулся. Взгляд его карих глаз был острым, как бритва.

— Код 2239? — негромко бросил он, небрежно салютуя двумя пальцами от виска.

Сердце Тэ-хёна пропустило удар, а затем ухнуло в бездну. «2239».

Его личный идентификатор в зашифрованной сети Чо Тэ-сана. Тот самый цифровой хвост, под которым он отправлял первые, вынужденные рапорты, пока наотрез не отказался от слежки за Лин-ной. Код, который по всем законам секретности должны были знать только двое: он сам и шеф безопасности.

И тут Тэ-хён вспомнил.

Когда его уволили, он сам попросил Кан-гука отнести рабочий смартфон техникам — аппарат откровенно глючил, зависал и перегревался. Напарник тогда взял трубку без лишних вопросов. А вот айтишники из службы безопасности конгломерата... Они могли вскрыть зашифрованные ло-

ги. Или сам Кан-гук — случайно или намеренно — успел подсмотреть то, что не предназначалось для чужих глаз.

«*Чёрт*, — подумал Тэ-хён, чувствуя, как внутри всё сжимается. — *Он уверен, что это я её продал*».

Но оправдываться он не умел, да и не видел смысла. Слова не возвращают доверие, когда против тебя играют факты.

Кан-гук уже скрылся за поворотом, а Тэ-хён так и остался стоять посреди пустого холла — один среди молчаливого величия увитого плющом Древа и кедровых колонн, которые веками слушали чужие тайны, но никогда их не выдавали.

В голове стоял тяжёлый гул. Слишком много вопросов навалилось одновременно. Складывалось стойкое ощущение, что он отсутствовал в Санбаламе не пару суток, а как минимум на месяц выпал из жизни резиденции. И теперь получал все удары разом.

«Исчезновение» фирмы «Кёнсон Логистик» — это как раз укладывалось в логику Канджона. Но как Чо Тэ-сан так стремительно узнал о причине назначенного Председателем аудита? Кто на самом деле шпионил у дверей кабинета — Гиль-у или Джин-ён? Если это был Гиль-у, почему проигнорировал оклик? И с какой стати Кан-гук караулил его именно здесь, словно точно знал время, когда Тэ-хён выйдет от Председателя? Откуда всплыл этот проклятый шифр? Неужели Чо Тэ-сан в своё время пытался завербовать и Кан-гука тоже?

«*Что-то я совсем мнительным стал*», — попытался

одёрнуть себя Тэ-хён. Но инстинкт телохранителя, отточенный годами войн и спецопераций, не давал расслабиться: слишком много совпадений на один квадратный метр. А это уже не случайность. Это спланированная тактическая осада.

Он бросил последний, сканирующий взгляд в сторону тёмного служебного коридора, куда ушёл подозрительный силуэт, и развернулся в направлении каморки Пан-сока. Шаги консультанта по безопасности были по-военному чёткими, но в сознании пульсировал один и тот же вопрос: сколько ещё ушей в Санбаламе прямо сейчас работают на Чо Тэ-сана?

Враги прячутся не только за высокими стенами резиденции, — напомнил он себе, берясь за ручку двери, — они стоят по правую руку от тебя. В такой же форме телохранителей. С точно таким же электронным пропуском на груди. И с памятью, до краёв полной чужих секретов.

* * *

Тэ-хён тяжело опустился на стул напротив друга. Воздух в тесной каморке казался липким от невысказанных слов.

— Итак, что мы имеем в сухом остатке? — начал он негромко, но чётко. — Чо Тэ-сан окончательно переметнулся к Канджону. Он списал Председателя со счетов, считает его мёртвым волком. Старику подсунули фальшивые выписки из реестра и прокуратуры — якобы «Кёнсон Логистик» никогда не существовала в природе. И теперь Председатель уверен, что это я скормил ему дезинформацию и подставил

перед семьёй.

Пан-сок откинулся на спинку кресла, устало глядя на друга.

— Для нас это означает только одно: информация об этой конторе для них смертельно опасна. Раз шеф безопасности пошёл на такое должностное преступление, как подлог госархивов, значит, за вывеской «Кёнсон» скрывается компромат, способный похоронить Канджона в один миг.

— Но неужели они не понимают, что любая серьёзная проверка вскрыет эту липу? — Тэ-хён до хруста сжал кулаки. — Достаточно поднять оригиналы таможенных накладных из порта Инчхон или провести встречную сверку по банковским переводам...

— Им просто нужно выиграть время. Точно так же, как и нам, — перебил Пан-сок, опустив взгляд на Тэ-хёна. — Сдаётся мне, Канджон готовится пойти ва-банк на ближайшем Совете. Как думаешь, Лин-на успела подстраховаться? Где она, кстати? Ты ведь выходил с ней на связь?

Тэ-хён почувствовал, как к лицу приливает жар. Лгать единственному человеку в Санбаламе, которому он безоговорочно верил, было паршиво. Более, чем принимать удары в лесной схватке.

— Чо Тэ-сан вычислил её прошлое убежище, — сдержанно произнёс он, балансируя на грани полуправды. — Мне пришлось экстренно перевезти её в другое место.

Пан-сок тяжело вздохнул — без тени обиды, лишь с горь-

кой, усталой покорностью.

— Я понимаю. Консильери не хочет, чтобы я знал координаты. Меньше знаешь — крепче спишь на допросах. Но хотя бы скажи: она жива? Всё в порядке? Вчера ночью Чо Тэ-сан нагрязнул в Санбалам как ошпаренный и устроил тотальный шмон всего автопарка резиденции. Проверял, какие машины и в какое время покидали периметр. Что там у вас стряслось, Тэ-хён?

Тэ-хён опустил глаза, разглядывая свои раны на ладонях. Выдать тайны Лин-ны он не имел права.

— Машину, на которой я уезжал... — глухо выдохнул он, — я бросил на пустыре.

— Ладно, — Пан-сок коротко кивнул, сворачивая опасную тему. — Координаты скинь. Мои парни перегонят её в глухой отстойник или пустят под пресс, пока ищейки Чо до неё не добрались.

Пан-сок склонил голову, задумчиво вертя в пальцах шариковую ручку. Было видно, что ему отчаянно хочется спросить о большем, но он с трудом сдерживал профессиональное любопытство. Понизив голос до едва различимого шёпота, он произнёс:

— Я знаю, что ты помогаешь ей. У консильери свои тайны, которыми она не станет делиться даже под дулом пистолета.

Тэ-хён молча кивнул.

— Но для неё было бы лучше навсегда покинуть Корею,

— тихо добавил Пан-сок. — Пока ещё есть время.

— Я твердил ей об этом. Но она и слышать ничего не желает. Заявила, что обязана довести дело до конца и защитить Председателя.

— Эта слепая преданность её и погубит.

Тэ-хён сжал ручку так, что она треснула, но промолчал.

— Сейчас всё упирается в Чо Тэ-сана, — продолжил Пан-сок, проводя пальцем по полированной поверхности стола, будто чертя невидимую тактическую схему. — Он действует как теневой кукловод. Сначала настроил Пон-джуна против отца, затем прикрыл тылы Канджону и технично дискредитировал Лин-ну — старик Чжин теперь слышать её имя не может. А сегодня утром Пон-джуна официально вызвали повесткой в столичную прокуратуру.

— Но его дело разве не замяли? — удивился Тэ-хён. — Какой смысл врагам топить наследника?

— Им нужно не утопить его, а временно обезвредить. Моральный облик Пон-джуна всего лишь повод. Заседание, которые мы с тобой так старались предотвратить, всё же состоится. В четверг. И Канджон планирует официально предложить Совету отстранить Председателя от управления по состоянию здоровья. Под благовидным предлогом «заботы о стабильности конгломерата». И голоса акций Пон-джуна им там совсем не нужны.

— Но для такого решения нужен колоссальный перевес голосов.

— Боюсь, Канджон приготовил юридическую бомбу. Он либо окончательно скупил лояльность ключевых директоров, либо... — Пан-сок внезапно замолчал, в упор взглянув на друга. — Либо они тайно аккумулировали акции «Синджин» через подставные фонды. А это уже прямая атака на контрольный пакет самого Председателя.

— Так вот почему они так яростно прячут «Кёнсон Логистик», — Тэ-хён зло прищурился. — Если эта контора была задействована в махинациях с акциями «Синджин»...

— Фирма не могла испариться бесследно, — жёстко подхватил Пан-сок. — Где-то остались оригиналы договоров, контракты, банковские проводки. Найдём их — получим убойный козырь против Чо Тэ-сана. А без своего шефа безопасности Канджон — голый король.

— А тебе удалось что-то выяснить о прошлом Чо?

— Не всё так просто. Тот тип — Юн Дон-су — в юности, похоже, промышлял наёмничеством. Участвовал в серых военных операциях в Африке. Но связать его с Чо Тэ-саном пока не получается. Кто-то филигранно зачистил его личное дело. Не подкопаешься.

Тэ-хён мгновенно вспомнил старую архивную фотографию, которую Лин-на держала в руках. Если это правда и на снимке запечатлены три друга юности — Чо Тэ-сан, Ким Чу-хо и Юн Дон-су, — то это настоящая бомба. Прямое доказательство связи руководства безопасности с верхушкой банды Чакаля. Лин-на, судя по всему, раскопала этот след и

приберегала козырь для финального удара.

— Если Чо Тэ-сана кто-то прикрывает в верхах, этот покровитель точно из генералитета, — рассудил Тэ-хён. — Что, если это та же фигура, которая курировала мошенническую схему с хищениями армейского имущества пять лет назад?

— Этим щитом мог быть генерал Ли, но он мёртв, — Пан-сок на секунду задумался. — Ладно, я попрошу своих людей копнуть армейские архивы глубже.

— Хорошо. А я добуду информацию по «Кёнсон Логистик».

Пан-сок поднялся из-за стола и подошёл к окну. За стеклом всюду полыхал знойный, удушливый августовский полдень. Воздух над асфальтом резиденции дрожал от перегрева. Поместье замерло в ожидании грозы.

— Нужно торопиться. Совет назначен на четверг, — произнёс Пан-сок, не оборачиваясь. — Чувствую, рванёт со дня на день. Либо Председатель вернёт себе тотальный контроль... либо Канджон станет единоличным хозяином «Синджин». А Лин-на... — он на мгновение осёкся. — Лин-на станет первой, кого они пустят под нож.

Тэ-хён поднялся. В горле стоял тугой ком.

— Тогда вывернем эту землю наизнанку. И найдём доказательства.

Тэ-хён вышел из каморки Пан-сока и уверенно пошёл по длинному коридору. Теперь у него была чёткая цель и без-

жалостный дедлайн, отсчитывающий часы до четверга.

Он знал, что квартира Лин-ны наверняка находится под круглосуточным наблюдением ищеек Чо Тэ-сана. Проникнуть туда без шума, даже зная код от цифрового замка, казалось невыполнимой задачей для обычного человека. Но Тэхён не был обычным. Он был обучен проходить там, где другие пасовали, и выживать там, где ломались профессионалы.

Надо только оторваться от слезки. Теперь, когда он точно знал, что всё происходящее в Санбаламе находится под тотальным контролем шефа безопасности, нельзя было рассчитывать, что его собственная скромная фигура останется без присмотра. Надо было соблюдать осторожность.

А пока... нужно было выпотрошить из архивов сведения о «Кёнсон Логистик».

Глава 2. Блики прошлого в темноте

Город плавился под свинцовым небом.

После возвращения из горного монастыря, где воздух был прозрачным, как ключевая вода, пыльная духота Сеула казалась особенно мучительной. Шла середина августа. Закат не приносил прохлады — он давил. Тяжёлое багрово-оранжевое зарево висело над холмами Намсан и отражалось в стеклянных фасадах небоскрёбов, будто кровоточащая рана. Асфальт источал жар, накопленный за день. Даже в семь вечера воздух дрожал над улицами, как над раскалённой плитой.

Тэ-хён сидел на заднем сиденье такси, невидящим взглядом уставившись в окно. Он не замечал ни офисов с кондиционерами, выдувающими на тротуары перегретый воздух, ни измотанных пешеходов в мокрых от пота рубашках. Весь этот пёстрый, шумный Сеул, проносясь за стеклом, сливался в тревожную мазню — предчувствие новой бури. Ледяной поток из дефлектора кондиционера не спасал, а лишь подчёркивал, насколько раскалено всё снаружи. И внутри него самого.

Он сжимал кулаки так, что костяшки побелели.

«Кёнсон Логистик».

Маленькая фирма-пустышка, зарегистрированная в 2008 году. На бумаге — ноль. В реальности — яд, отравивший три

жизни.

Его собственную. Почти четыре года тюрьмы за то, чего он не делал. За то, что генерал Ли Джин-хун использовал его как щит, а Чо Тэ-сан уже тогда понимал: этот парень — идеальный козёл отпущения.

Жизнь Председателя. Старик оказался загнан в угол собственным доверием. Ведь именно через «Кёнсон Логистик» шли грязные деньги, которые теперь, скорее всего, осели в карманах Канджона в виде акций «Синджин Групп».

И жизнь Лин-ны, которая, наверное, до сих пор не знала, что всё, что она выстраивала для Председателя — проект «Горизонт-2», репутацию компании, саму свою жизнь, — прямо сейчас висело на волоске. Одно фальшивое имя в стёртом реестре — и её преданность умножат на ноль.

«Как это, по-твоему, называется?!» — кричал Председатель, тыча пальцем в файл отчёта, будто целился Тэ-хёну в сердце.

А Тэ-хён тогда ничего не мог ответить. Потому что голая правда звучала как бред сумасшедшего: фирма, которая разрушила его жизнь, теперь могла уничтожить весь конгломерат, но её просто взяли и стёрли из реестров. Кто-то сверху посмел отменить саму реальность.

«Как это — не было такой фирмы?» — до сих пор бешено стучало у него в висках под монотонный гул автомобильного мотора. — Может, и трёх лет и восьми месяцев тюрьмы не было? И позорного срывания погон перед строем? И звеня-

щей пустоты после ухода Ын-ми тоже не было? Всех этих лет, проведённых на самом дне, тоже не существовало?»

Кто-то влиятельный одним кликом мышки стёр пять лет его жизни. Всё, что случилось с ним после того рокового ареста.

Раньше Тэ-хён и не думал, что название «Кёнсон Логистик» когда-нибудь обретёт для него такой вес. В обвинительном заключении оно шло безликой строкой — одной из сотен бумажных улик. Он мечтал однажды во всём разобраться, но после освобождения слабовольно поддался искушению просто жить, задвинув прошлое в самый дальний угол памяти.

Но теперь пришло время вытащить это прошлое на свет и силой стряхнуть с него пыль.

Такси свернуло на знакомую улицу и притормозило. Дом Пан-сока, ещё недавно сверкающий свежей отделкой, сейчас выглядел покинутым. Окна темнели глухими провалами. Забор стоял голым, а декоративные кустарники, которые друг с таким упорством высаживал весной, безжалостно вымыло с корнем во время недавнего потопа. До следующего года здесь ничего не приживётся.

Пан-сок остался в поместье Санбалам — помогать Председателю контролировать подготовку к Совету директоров. Тэ-хён давно обещал другу съехать и не стеснять его, но этот момент бесконечно откладывался. В последнее время он почти не бывал здесь, даже ночевать не приходил.

Теперь этот дом стоял совершенно чужим, оставленный и хозяином, и его навязчивым гостем.

Тэ-хён вошёл в гостиную.

Всё было на своих местах: диван, журнальный столик, тумба под домашний кинотеатр. Даже редко бывая дома, Пан-сок умудрялся поддерживать идеальный, почти армейский порядок.

Тэ-хён замер посреди комнаты, устало потирая шею и оглядывая пространство.

Куда он положил папку?

Чемодан с его немногочисленными вещами скромно прилежался рядом с диваном, будто безмолвно напоминал: «Ты здесь засиделся. Пора и честь знать». Тэ-хён точно помнил, что после своей последней поездки в Санбалам спрятал документы на самое дно чемодана.

Он рванул молнию, перерыл вещи, но внутри оказалось пусто. Папка исчезла.

Может, оставил на столике? На диване? Нет. Поверхности сверкали чистотой. Пан-сок взял почитать? Исключено. Друг был слишком щепетилён в вопросах чужой тайны — даже если бы из любопытства заглянул внутрь, то вернул бы всё строго на место.

И вот тогда Тэ-хён начал замечать детали. Мелочи, которые Пан-сок никогда бы не допустил. Книга на полке стояла вверх ногами. Подушка на диване лежала не под тем углом. Пульт от телевизора бросили на столешницу, вместо то-

го чтобы аккуратно вложить в подставку.

Кто-то чужой зашёл сюда. Действовал быстро, нагло, стараясь симитировать порядок, но оставил после себя едва заметные следы.

Тэ-хён слишком хорошо знал привычки друга, чтобы ошибиться: в доме был обыск.

Он лихорадочно перепроверил остальные вещи — заначка в валюте, паспорт. Всё на месте. Профессиональные воры не тронули ценности. Забрали только папку с его делом, и с «Кёнсон Логистик».

Тэ-хён не закричал. Не ударил в ярости кулаком в стену. Он просто медленно опустился на корточки, прислонившись спиной к дивану, и крепко зажмурился, сдавив пальцами виски.

Чо Тэ-сан и тут успел подсуетиться.

Что теперь делать? Как доказать, что «Кёнсон Логистик» вообще существовала на этом свете?

Тэ-хён поднялся на ноги и подошёл к окну. За стеклом маленький разорённый двор окончательно тонул в сиреневых сумерках. Скоро совсем стемнеет, и на заваленной ветками тропинке никто не зажжёт уличные фонари.

«Хорошо, — зло подумал он. — Если вы украли папку — значит, до смерти боитесь. А кто боится — тот совершает ошибки и проигрывает».

Он достал из кармана телефон, быстро пролистал записную книжку до самого низа и нажал на вызов.

— Алло? — после трёх долгих гудков раздался усталый, осторожный пожилой голос.

— Это Кан Тэ-хён. Помните меня? — чеканя слова, произнёс он в трубку. — Военный трибунал 2017 года. Мне нужна ваша помощь. Я могу заехать? Прямо сейчас.

Через четверть часа он уже сидел в пойманной на перекрёстке машине, которая везла его в самый центр Сеула. Ослепительный багровый закат окончательно уступил место неоновым огням ночного мегаполиса. Тэ-хён поймал себя на мысли, что это фальшивое обличье шло городу куда больше: не тревожная, кровоточащая вечерняя заря, а холодный, циничный блеск улиц, готовых к новой битве.

Но он не любовался панорамой за стеклом. Его снедало одно-единственное желание: успеть. Потому что теперь он окончательно осознал — от стёртой фирмы «Кёнсон Логистик» зависело слишком много.

* * *

Почти час ушёл на то, чтобы пробиться сквозь вялотекущие заторы к тихим переулкам Инсадонга. Здесь, среди раскидистых деревьев гинкго и старых каменных ограждений, всё ещё жили те, кто помнил Сеул не бездушным скоплением бетона, а городом с живой душой. Старый адвокат Ким Сон-чхоль был как раз из таких людей.

Он никогда не носил дорогих костюмов и не красовался на обложках Forbs. Обычный военный адвокат — для тех, у кого за душой не было ни единой воны. Пять лет назад имен-

но он отчаянно вёл безнадежное дело Тэ-хёна. И делал свою работу честно, словно защищал собственного сына, которого у него никогда не было.

Тот суд Ким Сон-чхоль проиграл — суровый приговор утвердили наверху задолго до первого заседания. Но тогда, в зале суда, этот упрямый старик стал для обманутого Тэ-хёна единственным человеком во всём мире, который верил в его невиновность.

Тэ-хён впервые оказался у него дома. После выхода из тюрьмы он так и не удосужился навестить человека, потратившего на него уйму своего времени и так эмоционально вовлёкшегося в его горести. Это было грубо. И вот теперь этот человек снова понадобился ему.

Пока хозяин шелестел папками на втором этаже, гость послушно ждал в крошечной уютной гостиной. Супруга адвоката — тихая пожилая женщина в простом домашнем платье — принесла горячий ячменный чай и поставила на низкий столик тарелку с аккуратными рисовыми пирожками.

Тэ-хён вежливо и глубоко поклонился ей, мимолётом оглядывая комнату. Всё здесь дышало скромностью, но не бедностью, а той редкой чистотой, которая остаётся от прожитой на совесть жизни.

— Я всё сохранил, Тэ-хён, — раздался за его спиной чуть хрипловатый голос.

Ким Сон-чхоль медленно спускался по скрипучей деревянной лестнице, поправляя очки на шнурке. В своём ста-

ром, слегка потёртом кардигане поверх белой рубашки он выглядел как учитель старшей школы — строгий, но бесконечно уставший. Подойдя к столу, адвокат глухо стукнул ладонью по объёмной, пахнущей пылью папке с завязками.

— Не уверен, что там есть подробное досье на саму «Кёнсон Логистик», — тихо произнёс старик, присаживаясь напротив. — Но я сохранил бумажные копии абсолютно всех свидетельств, накладных и улик, которые обвинение тогда приобщило к твоему делу.

Тэ-хён взял папку бережно, едва ли не благоговейно, будто боялся, что хрупкие листы рассыплются прямо в руках — и вместе с ними исчезнет его последняя надежда.

На пожелтевшей обложке значилось: *«Военный суд первой инстанции. Дело № 2017-#-846. Кан Тэ-хён».*

Он аккуратно отодвинул в сторону тарелку с нетронутыми рисовыми пирожками, освобождая место, развязал тесёмки и погрузился в чтение. Выписки со счетов. Протоколы допросов. Липовые транспортные накладные. Материалов здесь было едва ли не втрое больше, чем в той папке, которую украли из дома Пан-сока.

— Вы... всё это время хранили это здесь? — хрипло прошептал он, не поднимая глаз от документов.

— Конечно, — грустно улыбнулся бывший военный юрист. — Я до последнего верил, что правда отыщется. Даже если трибунал в упор не желал её замечать. До сих пор жалею, что не смог... что у меня не хватило зубов вытащить

тебя тогда, Тэ-хён.

Старик опустил взгляд на свои сухие, подрагивающие пальцы. В его голосе прорезалась застарелая, не отпустившая боль человека, вынужденного признать: он проиграл на том единственном поприще, которое выбрал смыслом своей жизни. Он не смог защитить.

Тэ-хён молча посмотрел на старика. В неярком жёлтом свете лампы над столом совмещённой с кухней гостиной лицо адвоката казалось совсем сухим и скукоженным, как старый пергамент. В выцветших глазах затаилась давняя горькая тоска.

«Ему ведь тоже не повезло со мной, — подумал Тэ-хён. — Жил бы себе спокойно. Разгребал бы годами мелкие армейские кражи да бытовые склоки и ушёл бы с почётом на пенсию. А тут явился я со своим делом...»

Тэ-хён сглотнул, чувствуя, как внутри ворочается тяжёлый ком. Он и сам готов был поддаться нахлынувшим чувствам — эти бумаги всколыхнули слишком болезненные воспоминания. Он не мог спокойно смотреть на них, и не вспоминать тот день. Разрыв с Ын-ми, эмоциональный выжженный пустырь внутри, из-за которого он тогда смотрел на мир невидящим взглядом и просто ставил росчерки там, где показывало пальцем начальство. Всё это в одночасье изменило его жизнь.

— Но вы ведь не отказались, как другие, — тихо произнёс он. Так тихо, что в замершей комнате этот шёпот прозвучал

почти интимно.

Пожилая женщина у раскрытого холодильника в глубине кухни внезапно застыла. Она перестала переставлять посуду и с наплывающей тревогой посмотрела на мужа. Тэ-хён перехватил этот полный боли взгляд и поспешно заставил себя улыбнуться.

— В любом случае, это дело прошлое, — деланно бодрым тоном продолжил он. — Не казните себя виной, господин Ким. Вы и так прыгнули выше головы. Против того локомотива, что шёл со стороны обвинения, ни у кого не было бы ни единого шанса. Всё было предрешено заранее. Даже я сам уже не рассчитывал на оправдание. А вы... Вы боролись за меня до конца. Вы были единственным во всём зале суда, кто не смотрел на меня как на продажную тварь. Окажись вы тогда чуть упрямее, мы бы сейчас не пили здесь чай — вас бы просто тихо закопали в каком-нибудь безымянном овраге, списав на несчастный случай. Успокойтесь. Ваша совесть чиста. Я никогда вас не винил.

Руки бывшего адвоката задрожали сильнее. Так и не найдя, что ответить, он поспешно спрятал их под столешницу. Тэ-хён сделал вид, что ничего не заметил, и снова сосредоточился на бумагах.

Горький пепел прошлого не должен был мешать делу, которое горело прямо сейчас.

Тэ-хён бессмысленно перебирал серые страницы, не в силах сфокусироваться на расплывающихся перед глазами

строках. Он всё надеялся, что взгляд сам зацепится за знакомые иероглифы «Кёнсон Логистик», и это поможет наконец сконцентрироваться.

Но вдруг из вороха бумаг выскользнул мутный чёрно-белый снимок. Это был распечатанный на обычном принтере стоп-кадр с камеры видеонаблюдения — зернистый, покрытый густой рябью цифровых помех. Тэ-хён озадаченно повертел его в руках, пытаясь сообразить, какое отношение этот листок имеет к его судьбе. Он точно не помнил ничего подобного на заседаниях трибунала.

— Откуда это, господин адвокат? — Тэ-хён нахмурился, придвигая листок ближе к лампе. — Я не помню этого снимка на процессе.

Ким Сон-чхоль водрузил на нос очки, склонился над столом и задумчиво прищурился, пролистывая в голове события прошлых лет.

— Ах, этот... Погоди, дай вспомнить. Моя память уже не та, дел после тебя были сотни, — старик негромко постучал пальцами по столешнице. — Да-да. Это ведь не из твоего судебного процесса, Тэ-хён. Этот снимок появился позже. Когда ты уже отбывал срок.

Адвокат нахмурился, вглядываясь в зернистое изображение.

— Помнишь генерал-майора Ли Джин-хуна?

— Снабженец из штаба? — Тэ-хён поднял глаза. — Разумеется. В тюрьме по телевизору только об этом и трубили.

Сказали, генерал погорел на каких-то левых махинациях и покончил с собой, чтобы избежать позорного трибунала. На него тогда списали и вскрывшиеся факты по той истории с подменной оптикой, из-за которой сел я.

— Ну да, официально — застрелился в собственном кабинете, — Ким Сон-чхоль горько усмехнулся и покачал косматой головой. — Военное ведомство полного генерала Квона тогда с удивительной скоростью закрыло все пробелы. Раз главный виновник мёртв — дело с концами. Нехорошо так говорить, но я тогда так обрадовался... Хотел немедленно подать апелляцию на пересмотр твоего приговора. Думал: вот он, шанс реабилитироваться и полностью очистить твоё имя! Но тебя почти сразу и без меня освободили.

Тэ-хён поднял голову, отрывая взгляд от снимка.

— А вы не знаете, почему меня тогда амнистировали? Я, признаться, в камере не сильно вникал в юридические тонкости. Выпустили — и ладно.

Адвокат Ким посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, словно сверяя образ сидевшего перед ним собранного мужчины со своими воспоминаниями.

— Я кое-что слышал о тебе после освобождения, — осторожно начал старик, пристально вглядываясь в глаза Тэ-хёна, будто пытаясь отыскать в них следы застарелой пьяной мути. — Говорили, ты совсем опустился. Пил беспорядно.

— Всё в прошлом, — отрезал Тэ-хён. — Я вернулся. Нашёл хорошую работу, завязал с выпивкой. Со мной всё в по-

рядке, господин Ким. У меня появилась новая цель в жизни, и пришло время разворошить это старое дело. Я хочу полностью восстановить события того дня и добраться до настоящих виновников.

Ким Сон-чхоль тяжело, со свистом вздохнул.

— Открылись новые данные? Тэ-хён, это дело очень опасное. Там задействованы фигуры такого полёта, что нам их никогда не достать и не привлечь к ответственности. Против системы не воюют. Ведь даже этот генерал Ли...

Адвокат осёкся на полуслове.

— Что? — Тэ-хён подался вперёд, уже предугадывая ответ. — Скажете, он правда покончил с собой? Это ведь было инсценировкой, верно? Его убрали свои же.

Лицо старого защитника сделалось серым и каким-то растерянным, словно он до сих пор, на исходе лет, отказывался верить в беспринципность этого мира.

— У меня возникли серьёзные подозрения, — он снял очки и принялся тщательно протирать стёкла краем своего поношенного кардигана. — Всё выглядело слишком... гладко. Разумеется, по официальным заявлениям военной прокуратуры никаких вопросов не возникло. Ли заперся, оставил записку, нажал на курок. Но само это решение было чересчур внезапным. Накануне ареста он громогласно заявлял прессе, что на суде вскроются такие масштабы коррупции в высших эшелонах штаба, что всю страну захлестнут чистки. Ли прямо никого не называл. Но его слова прозвучали как

ультиматум. Думаю, подельники его кинули, он разозлился и вознамерился утащить за собой на дно всю верхушку. И ему просто не дали открыть рот.

— Да, его смерть оказалась слишком удобной, чтобы повесить на покойника все грехи, закрыть дело и успокоить общественность, — согласился Тэ-хён.

— Я тогда подумал: «Вот он, мой звёздный час!» — горько усмехнулся старик. — Готов был бежать в прокуратуру, требовать немедленно возобновить твоё дело. Но с голыми руками соваться туда не имело смысла, меня бы и слушать не стали. Страшно подумать, я ведь тогда всерьёз верил, что смогу сдвинуть эту махину и разоблачить всю верхушку. Мне это казалось высшей справедливостью. Думал, так я реабилитируюсь как защитник и смогу наконец честно посмотреть тебе в глаза, Тэ-хён.

— А я говорила тебе, — ворчливо бросила пожилая женщина. Она тихо подошла со спины и несильно, любя, шлёпнула мужа по плечу кухонным полотенцем. — Не лезь. Мелок ты для таких дел, Сон-чхоль. Ещё, чего доброго, прирезали бы нас обоих в подворотне. Скажи спасибо, что хоть до пенсии спокойно доработать дали.

Ким Сон-чхоль досадливо отмахнулся от неё, но спорить не стал. Он снова посмотрел на Тэ-хёна:

— Я ведь струхнул тогда, честно тебе признаюсь. Вовремя понял, кто именно за этим стоит. Не поверил, что бедный старик Ким Сон-чхоль сможет одолеть самого... — он мно-

гозначительно дёрнул подбородком вверх, к потолку, явно намекая на самый штабной верх и четырёхзвёздного генерала Квона. — А этот снимок я выудил чисто на кураже. Пришёл в дорожную полицию, помахал удостоверением адвоката, заговорил им зубы. Мне и вывели на экран записи с купольной камеры возле дома генерала Ли. Только толку-то... Ракурс, сам видишь, максимально неудобный. Лица нет. Я пытался представить этот листок как доказательство того, что генерал Ли погиб не сам. Ну, или его как минимум подтолкнули к этому шагу. Надеюсь, что назначат проверку и выйдут на всю цепочку. Но...

Старик горько скривил губы и развёл руками.

— Следователь военной прокуратуры посмеялся мне в лицо. Сказал, что по этой размытой мазне установить личность невозможно. А сам факт того, что покойного за час до выстрела навещал какой-то приятель, состава преступления не образует. Мало ли кто к нему по делу заходил. На том разговор и закончился.

Тэ-хён снова взял в руки снимок и с сомнением посмотрел на него. Ракурс и правда был такой, что ничего с уверенностью утверждать было невозможно.

— Ну а потом, — продолжал старик, — тебя внезапно выпустили. Твоё имя просто внесли в списки на специальную Президентскую амнистию.

— Вот как... — искренне удивился Тэ-хён. — А я-то думал, что это результат вашего расследования.

— Нет, — покачал головой Ким Сон-чхоль. Он внезапно понизил голос и, опершись локтями о стол, подался ближе к Тэ-хёну. — Я даже до военной прокуратуры дойти не успел. Знаешь, сынок... Думаю, они банально испугались. Разоблачение генерала Ли спутало им все карты. Наверху побоялись, что ты через меня или других гражданских защитников вздумаешь подать на апелляцию. Двух главных виновников по одному делу быть не может. Чтобы общество не задавалось вопросами, тебя просто тихо выставили за ворота тюрьмы. Ведь если бы ты начал судиться, пришлось бы признать системную ошибку трибунала, а генералитет этого очень не хотел.

Внутри у Тэ-хёна на мгновение вспыхнуло дикое, первобытное желание скомкать эти серые листы и швырнуть их в лицо каждому, кто сидел тогда в судебных креслах.

Системная ошибка? Пять лет жизни — коту под хвост. Его блестящая карьера спецназовца, честное имя, право родителей прямо и гордо смотреть в глаза соседям — всё безжалостно бросили под ржавые колёса судебной машины.

Но так бы поступил прежний Тэ-хён. Нынешний — давно перегорел, переродился и оставил глупые, импульсивные жесты в прошлом. Новый Тэ-хён видел смысл своего существования в ином. Месть больше не приносила ему удовлетворения, и он не собирался разрушать себя, тая бесплодную злобу на обидчиков.

Если бы не Лин-на, он вообще не стал бы ворошить это

прогнившее болото. Ему самому было достаточно знать, что он — не предатель. А что о нём думают чужие люди, его давно не волновало. Разве что родители... Только ради них и ради того, чтобы получить право честно, без тени позора стоять рядом с Лин-ной, он был готов побороться за своё имя. Но прямо сейчас это было второстепенно.

Он уже занёс руку, чтобы отложить мутную фотографию с неизвестным посетителем, но в последний момент пальцы замерли. Тэ-хён поднёс листок обратно к самым глазам.

Его взгляд намертво прилип к запястью мужчины на снимке. Тэ-хён зацепился за два странных, неестественно ярких блика на мутном циферблате. Он даже потер бумагу пальцем, думая, что это обычная соринка или дефект печати. Нет, белые точки не стёрлись.

Тэ-хён почти уткнулся носом в листок, и в его голове мгновенно вспыхнула объёмная, пугающе чёткая картина. Бивни! Это были бивни. Зернистый чёрно-белый стоп-кадр не мог передать текстуру, но Тэ-хён и без того знал: на угольно-чёрной титановой поверхности этого циферблата был выгравирован африканский слон с огромными бивнями.

Он хорошо знал эти часы. Безумно дорогая ручная работа. Итальянская техника Булино. Штучный экземпляр, выполненный на заказ. Они стоили больше, чем его годовая зарплата.

Тэ-хён медленно потёр лоб, который внезапно покрылся холодной испариной.

Ему и раньше было интересно, откуда у шефа безопасности «Синджин» эта маниакальная страсть к африканской тематике. Но в свете одной старой фотографии, которую Тэ-хён видел мельком — где Чо Тэ-сан стоял с автоматом в руках на фоне полыхающей африканской хижины, — это пристрастие больше не казалось странным капризом туриста.

Тэ-сан буквально бравировал своим кровавым прошлым. Он тащил эти «трофеи» в свой офис, создавая вокруг себя некое подобие тёмного алтаря. Возможно, элитный декор помогал ему облагородить грязные воспоминания. Или это была его извращённая форма торжества над респектабельным обществом: все вокруг видели в нём успешного топ-менеджера, а эти зловещие вещи, истинный смысл которых знал лишь он сам, оставались подтверждением его реальной, абсолютной власти.

Адвокат Ким некоторое время молча, с нарастающей настороженностью наблюдал за Тэ-хёном. Наконец старик не выдержал:

— Ты что-то увидел, сынок?

— Кажется, я знаю, чья это рука, — тихо ответил Тэ-хён.

В глазах адвоката за толстыми стёклами очков вспыхнули живые, тревожные огоньки.

— Если этот человек был последним, кто заходил к генералу Ли в ту ночь, то всё окончательно сходится, — Тэ-хён поднял на своего защитника потемневшие от ярости глаза и аккуратно вернул снимок на стол. — Спрячьте его, господин

Ким. И никому не показывайте до поры до времени. Очень скоро этот листок нам пригодится.

Адвокат молча кивнул. Не задавая лишних вопросов, он взял распечатку и бережно вложил её глубоко между страниц увесистого Уголовно-процессуального кодекса Республики Корея. Жёсткий тон Тэ-хёна недвусмысленно давал понять: игра началась по-крупному. И на кону стоят жизни.

«Чо Тэ-сан был последним, кто видел генерала Ли... — набатом стучало в висках Тэ-хёна. — Сам по себе мутный снимок в суде ничего не докажет — Чо Тэ-сан слишком крупный хищник, чтобы споткнуться о размытый кадр. Но эти часы... Если удастся привязать к этому снимку имя Чо Тэ-сана, это может стать поводом для более глубокого расследования. Тогда и новые факты всплывут. Главное — подтвердить этот снимок другими уликами».

Снимок должен дождаться своего часа.

Когда Тэ-хён вытащит на свет бумажные документы «Кёнсон Логистик», у него появится законный повод заставить Председателя возобновить аудит. Финансовая проверка прижмёт к стене Канджона. И вот когда позиции врагов ослабнут, этот мутный листок, спрятанный в Кодексе, станет финальным ударом по Чо Тэ-сану, способным запустить лавину.

Тэ-хён интуитивно чувствовал, как две эти ниточки, тянущиеся из прошлого, сплетаются в одну петлю. Бумаги по «Кёнсон Логистик» докажут экономический подлог финан-

сового директора, а снимок с часами — свяжет шефа безопасности с убийством генерала. По отдельности каждая из улик казалась слабой, но вместе они разносили в щепки весь заговор против «Синджин».

Оставалось сделать главное — найти в ворохе страниц саму «Кёнсон Логистик».

Он отвёл взгляд от толстой книжицы, решительно придвинул к себе пыльную папку с военным делом и перевернул первую страницу.

Час за часом он упрямо искал любые упоминания «Кёнсон Логистик»: строчки в таблицах со старыми банковскими счетами, затерявшиеся в приложениях контракты, транспортные накладные. Хозяева дома давно ушли спать, оставив его в абсолютной тишине, наедине с тусклой настольной лампой и его собственной огромной тенью на стене. Он читал, сверял цифры, делал пометки в блокноте — пока под утро наконец не отключился, так и заснув с ручкой в руке, прямо над разложенными листами.

* * *

Рассвет застал его на диване, куда он, видимо, перебрался в полузабытии. На кухне что-то аппетитно шкворчало на сковородке, и ноздри защекотал густой пряный запах домашней еды. Супруга адвоката на цыпочках, стараясь не шуметь, готовила завтрак.

Тэ-хён протёр заспанные глаза. Раннее солнце уже пробивалось сквозь ситцевые занавески в цветочек, окрашивая

скромную гостиную в янтарные тона и наполняя дом особым, совсем не городским уютом.

И в этот момент его остро укололо изнутри.

Лин-на.

Он ведь твёрдо обещал привезти ей сменную одежду и её рабочий блокнот. А вместо этого напрочь забыл обо всём и провёл ночь, зарывшись в архивные документы пятилетней давности.

Тэ-хён торопливо поднялся, приводя в порядок помятую одежду. Он горячо поблагодарил хозяйку, но от полноценного завтрака вежливо отказался, сославшись на неотложные дела — лишь принял из рук хозяйки упакованный в салфетку тёплый рисовый пирожок.

— Ты нашёл то, что искал, сынок? — негромко окликнул его адвокат Ким, когда Тэ-хён уже завязывал шнурки у порога.

— Больше, чем рассчитывал, — Тэ-хён выпрямился и коротко поклонился старику. — Но всему свой срок. Спасибо вам за всё.

Выйдя на улицу, он решительно зашагал к проспекту. Его личный оперативный план на этот день был расписан по секундам. Сначала — Санбалам и Председатель, которому нужно швырнуть под нос бумажные доказательства. Потом — Хан-на и Лин-на, перед которой ещё предстоит оправдаться за задержку. А уже потом — вся остальная правда.

* * *

В кабинете поместья Санбалам Тэ-хён положил перед Председателем копии архивных документов — чёткие, официальные, с синими штампами канцелярии военного трибунала, заверяющими подлинность.

— «Кёнсон Логистик» существовала, господин Председатель. Транзакции прошли через Woori Bank в ноябре 2016 года. Вот контракт с администрацией порта Инчхон. Вот накладная на груз. Выписка из электронного реестра — подделана.

Председатель долго, не шевелясь, смотрел на пожелтевшие листы. На его осунувшемся после инсульта лице не дрогнул ни один мускул. Наконец он поднял глаза — тяжёлые, подёрнутые ледяной обречённостью.

— Хочешь сказать, отдел аудита осмелился положить мне на стол фальшивку? Или ты хочешь, чтобы я поверил, что у кого-то хватает влияния, чтобы заставить Минюст подчистить государственные базы данных?

Тэ-хён промолчал, давая Председателю время переварить удар. Бывший спецназовец слишком хорошо знал, когда нужно придержать язык.

— Я говорю лишь то, что эти документы — настоящие, — негромко, но твёрдо продолжил он без вызова. — И они подтверждают, что «Кёнсон Логистик» — фирма, которая фигурировала в деле о краже армейского имущества. Если она упоминалась в списке транзакций финансового директора, это бросает тень на весь конгломерат. Запустите официаль-

ную проверку финансового отдела заново. Если она ничего не выявит, я первый признаю, что ошибся, и отвечу головой. Но вам нужна отсрочка Совета директоров. Повторная проверка её даст. Господин Кан...

— С ума сошёл?! — рывкнул старик, подавшись вперёд. — Хочешь сравнить меня с моим же финансовым директором и к тому же шурином? Кем ты себя возомнил, Кан Тэ-хён, чтобы давать мне советы?!

Тэ-хён покорно наклонил голову, принимая на себя гнев чеболя, но отступить не собирался.

— Вы наняли меня, чтобы найти крысу в Доме, — тихо, но отчётливо произнёс он, глядя в паркет. — Я нашёл след, который ведёт к господину Кану. Вы сами прекрасно знаете, что он метит на ваше место. Так не лучше ли узнать о его махинациях до того, как он нанесёт финальный удар на Совете?

Председатель мёртвой хваткой вцепился в подлокотники кресла, так что затрещала дорогая кожа. Его яростный, налившийся кровью взгляд буквально буравил Тэ-хёна. Казалось, ещё секунда, и старик раздавит обнаглевшего подчинённого в порошок. Тэ-хён внутренне подобрался, готовый к тому, что на него вот-вот обрушится настоящая буря. В тишине кабинета было слышно лишь тяжёлое, хриплое дыхание Председателя.

«Как бы его удар не хватил снова, — забеспокоился Тэ-хён. — Будет очень не вовремя».

Но бури не последовало. Старик медленно, с натугой откинулся на спинку кресла. И положил руку на грудь, под борт мягкого домашнего кардигана. Воздух со свистом вышел из его груди — гнев уступил место горькому, мучительному осознанию. При всей своей дерзости этот парень из спецназа, что стоял перед ним, был чертовски прав.

Председатель зажмурился и потёр лоб, глубоко собрав морщины.

— Бесполезно, — глухо протянул он, размышляя вслух, словно напрочь забыл о присутствии в кабинете Тэ-хёна. — Внеочередное собрание уже созвано. Оно состоится в четверг. Мы просто не успеем запустить процедуру новой проверки. После того как Пон-джуна вызвали на допрос в прокуратуру, директора больше не верят мне. Они видят, что я не способен защитить от нападок собственного сына. Как они поверят, что я смогу защитить конгломерат?

Сейчас он говорил не как властный лидер транснациональной корпорации, а как раздавленный отец, у которого выбили из-под ног последнюю опору.

Тэ-хён смотрел на него и не узнавал. Это ли тот великий человек, за которого так отчаянно билась Лин-на? Она называла его своим единственным Учителем. Брала с него пример. А теперь этот титан корейского бизнеса сам опускал руки и отказывался от борьбы на полпути.

— Позовите госпожу Лин-ну, — Тэ-хён сделал шаг вперёд, наплевав на субординацию. — Она...

Председатель Чжин резко вскинул голову. Его глаза вспыхнули той самой прежней, страшной чебольской яростью, от которой когда-то трепетал весь Сеул. Старик с силой ударил ладонью по столу, заставив письменные принадлежности жалобно звякнуть.

— Молчи! — рявкнул он, и его голос сорвался на сиплый хрип. — Не смей произносить имя этой девки в моём доме! Она — змея, которую я пригрел на собственной груди. Ей не будет прощения. Ещё одно слово о ней, Кан Тэ-хён, и я лично позабочусь, чтобы ты вернулся обратно в свою военную тюрьму. На этот раз — навсегда. Вон отсюда!

Тэ-хён крепко сжал кулаки, до боли впиваясь ногтями в ладони, но ничего не ответил. Он молча смотрел, как Председатель ещё глубже опустил в кресло, сгорбившись и окончательно потеряв стержень.

И ради этого идеала Лин-на готова была пожертвовать абсолютно всем?

Только ради неё Тэ-хён был готов встать на сторону этого неблагодарного человека и терпеть его невыносимый нрав. Он сделает всё, чтобы уберечь «Синджин» от Канджона с его хищной кликой. Потому что крах Учителя станет для неё личным поражением.

* * *

Тэ-хён вышел на улицу, лицом к лицу столкнувшись с полуденной жарой Пхёнчан-дона. Асфальт просторной площадки за домом дрожал от зноя. Ветер с горного хребта гнал

раскалённые волны, пропитанные густым, душным ароматом сосновой живицы. Здесь, на высоте, пекло не давило так глухо, как в низинах Сеула, а накатывало резкими порывами — изнуряющими, сухими. Жёсткая трава, пробивавшаяся по краям служебной парковки, совсем пожухла и торчала острая, как зубочистки.

У самого бордюра, под сенью раскидистых сосен, стоял небесно-голубой «Эн» — компактный, хищно оскаленный кроссовер от отечественного производителя, «Хёндэ Кона Эн», у автолюбителей просто «Эн». Чистый, новенький, словно только что сошёл с конвейера, он выглядел наглым чужаком на фоне чопорного чёрно-серого представительского автопарка поместья.

Живот болезненно свело от голода. Тёплый рисовый пирожок, который супруга адвоката сунула ему утром, — всё, что он успел перехватить вместо завтрака. Тэ-хён на секунду задумался: заглянуть ли в буфет для прислуги или дотерпеть и пообедать уже в городе? Сначала — поесть. Потом — за вещами на конспиративную квартиру, как твёрдо обещал Лин-не ещё вчера.

Отойдя подальше от главного входа, он достал телефон и набрал номер Хан-ны.

— Как она? — спросил тихо, едва дождавшись ответа.

— О, Тэ-хён! — её весёлый голос прорвался сквозь шум льющейся воды и далёкую музыку. — А мы тебя уже потеряли! Тут Лин-на...

— Тише, — резко оборвал он и мгновенно прикрыл динамик ладонью.

Мимо, насвистывая какую-то поп-мелодию, неторопливо прошёл Гиль-у. Он приветливо взмахнул рукой. Тэ-хён ответил ему такой же лёгкой, привычной улыбкой, но сам поспешно отвернулся к густым декоративным кустам, обрамлявшим ухоженный сад поместья.

— Не называй имён, — яростно прошипел он в трубку, как только шаги Гиль-у отдалились.

— А как ещё? «Гостя»? «Племянница»? — в голосе Хан-ны звенело какое-то неестественное, перевозбуждённое веселье. — Или, может быть, «нуна»? Спроси у меня, как дела у твоей нуны!

Тэ-хёну было совсем не до шуток. Сама мысль назвать изысканную, опасную Лин-ну домашним словом «нуна» казалась почти кощунственной.

— Хан-на, прекрати дурачиться, — процедил он, теряя терпение. — Мне сейчас...

— Ну же, спроси, — заупрямилась на том конце провода подруга.

— Как дела у нуны? — чертыхнувшись про себя, без охоты выдавил он.

— Нуна! — тут же во всю глотку закричала Хан-на, судя по звуку, поворачиваясь куда-то в глубь своего дома. Брякнула посуда. — Тэ-хён спрашивает, как у тебя дела!

Тэ-хён нахмурился. Что у них там, чёрт возьми, творится?

— Она говорит, всё нормально, — Хан-на снова вернулась к трубке. — Спрашивает, забрал ли ты какой-то блокнот.

— Скоро буду. Только сначала заеду за её вещами, — Тэ-хён заговорил тише, почти вплотную к микрофону, опасаясь быть услышанным.

Гиль-у, насвистывая, подошёл к кроссоверу и принялся заботливо смахивать с него невидимые пылинки.

— Да не торопись ты! — весело фыркнула Хан-на. — Нам и без тебя отлично...

Услышал Тэ-хён прежде, чем связь отключилась.

Гиль-у тем временем стоял у наглого голубого «Эна», методично полируя локтем и без того сияющий капот — старая профессиональная привычка с тех пор, когда он работал личным водителем Лин-ны и вылизывал её служебный «Дженезис».

— Сестра? — Гиль-у дружелюбно кивнул на его телефон.

Тэ-хён лишь молча повёл подбородком. Открыто врать человеку, к которому Лин-на ещё недавно относилась с почти материнской теплотой, было тошно.

— Сёстры — они такие, — хмыкнул Гиль-у, не замечая его заминки. — Особенно старшие. Вечно пытаются всё контролировать, будто они тебе вместо матери.

На лице парня промелькнуло то самое деланно-равнодушное выражение, за которым корейцы обычно прячут глубокую обиду.

Тэ-хён припомнил, что Гиль-у затаил какое-то негодование на сестру и невольно отвёл взгляд. Он окончательно выпал из внутренней жизни службы безопасности Санбалама. Гиль-у больше никого не возил и послушно прислуживал в доме. И чёрт теперь разберёт, как к нему относиться — как к бывшему напарнику или как к чуждой домашней прислуге. Охранники в чебольских поместьях всегда старались держаться особняком, а теперь эта невидимая стена между ними стала почти осязаемой.

— Слышал, тебя повысили? — спросил Тэ-хён, лишь бы поддержать разговор.

— Да какое там повышение... — досадливо отмахнулся Гиль-у. — Перевели в дом, считай, лакеем. Ладно хоть вообще под зад коленкой не вышвырнули. После того как госпожа Лин-на ушла, мои услуги в гараже Санбалама стали никому не нужны.

— Так тебя вроде младшим дворецким сделали, — Тэ-хён искренне не понимал, почему парень так дуется. В корейских богатых домах должность личного слуги патриарха куда ближе к телу хозяина, чем место простого шофёра.

— Лакейская должность. И платят, если честно, меньше. Да и сам знаешь, я ведь руль люблю, — Гиль-у с нескрываемой нежностью оглядел агрессивный кузов машины, возле которой крутился.

— Так ты теперь на этом едешь? — Тэ-хён прищурился. — И у кого в поместье набралось столько дерзости, чтобы

пригнать сюда ярко-голубой цвет?

— У меня, — с придыханием ответил парень.

Тэ-хён посмотрел на него внимательнее. Гиль-у не врал, он хвастался — это действительно была его личная машина. Так фанатично обхаживать и сдвух пылинки корейцы могли только со своей кровной, новенькой тачки.

— Вот, прикупил на сбережения, — парень гордо выпрямил спину. — Будет теперь на чём бабушку в больницу возить.

Тэ-хён придирчиво осмотрел обновку. «Хёндэ Кона Эн» только притворялся скромным городским паркетником. Любкой, кто хоть немного разобрался в моторах, по одному лишь низкому рокоту глушителя и спортивным тормозным суппортам понимал: эта игрушка стоит как три годовых оклада обычного трудяги. В голове Тэ-хёна мгновенно зажёгся тревожный сигнал. Какие, к чёрту, сбережения у парня из гаража, который к тому же жалуется на урезание зарплаты?

— Не дороговато для младшего дворецкого? — как бы между прочим обронил Тэ-хён, пристально следя за реакцией парня.

— Она того стоит, — Гиль-у даже не заметил подвоха, продолжая восхищённо разглядывать глянцевое крыло.

— Мало тебе было целыми днями за рулём служебного «Дженезиса» торчать, — хмыкнул Тэ-хён. — Решил теперь сиденье собственной машины протирать?

— Ты не понимаешь, — покачал головой Гиль-у. — Зна-

ешь, какое это чувство, когда под капотом ревёт то, что принадлежит только тебе?

«Сбылась мечта идиота», — ухмыльнулся про себя Тэ-хён, глядя на блаженную улыбку парня, но под ложечкой у него всё равно неприятно засосало.

Он развернулся и быстро зашагал прочь по дорожке, мимо стеклянного купола оранжереи.

— Совсем загордился, Тэ-хён?! — донеслось ему вослед. — С новым-то назначением с нами, простыми смертными, знаться не хочешь? Мы с Кан-гуком тебе больше не братья?

Тэ-хён замер. В памяти мгновенно всплыла вчерашняя юркая тень, замеченная им у дверей кабинета Председателя. Был ли это Гиль-у? Или профессиональная паранойя окончательно взяла верх, и он начал видеть предателей в каждом встречном?

— Это кто ещё из нас знаться не хочет, — буркнул Тэ-хён, оборачиваясь. — Ты сам вчера от меня как заяц ломанулся, когда я тебя окликнул.

— О чём ты? Не было такого, — уверенно и без тени испуга ответил Гиль-у. Он слегка склонил голову к плечу, рассматривая Тэ-хёна — не то с наглой ухмылкой, не то с абсолютным, детским доверием.

Тэ-хён мысленно выругался. Чёрт его знает. Вчера в коридоре царил полумрак, он вполне мог ошибиться.

— В город собираешься? — с надеждой в голосе спросил парень, кивая на свой сияющий голубой капот. — Хочешь,

подвезу? Мне всё равно по делам надо.

Тэ-хён неуверенно переступил с ноги на ногу. Тащиться по палящему полуденному зною вниз, по крутым и бесконечным склонам Пхёнчан-дона до автобусной остановки, не хотелось. А предложение Гиль-у выглядело обезоруживающе искренним. Скорее всего, парню просто до зуда в ладонях хотелось выпендриться перед старшим товарищем своей дорогой игрушкой.

Тэ-хён заглушил внутренний голос и коротко кивнул:
— Поехали.

* * *

Всю дорогу до города Гиль-у без умолку расхваливал свою «ласточку», перечисляя технические характеристики. Но стоило машине спуститься к оживлённым городским кварталам, как парень невзначай взгрустнул:

— Эх, знать бы, как там госпожа Лин-на... Без неё в Сан-баламе совсем грустно стало. Председатель сильно сдал за эту неделю. Да что я говорю, ты ведь сам только что из его кабинета. Вот бы вернуть её. Ты случайно не знаешь, где она сейчас прячется?

Тэ-хён молчал, отрешённо глядя в боковое окно на проносящиеся мимо витрины. Внутри ворошилось глупое желание просто по-человечески ответить: «Она в безопасности». Гиль-у ведь был приятным малым, чуть ли не единственным в поместье, кто с первых дней отнёсся к нему без спеси, как к другу. Всегда поддерживал, давал дельные советы. Но язык

словно прирос к небу. Слишком много подозрительных совпадений случилось за последние дни.

— Ясно, думал, ты в курсе... — разочарованно вздохнул Гиль-у и замолчал, утыкаясь взглядом в дорогу.

У небольшого неприметного рестораника на границе центра Тэ-хён попросил остановить. Голубой кроссовер умчался, оставив за собой лишь шлейф раскалённого выхлопными газами марева.

Сев за столик у самого окна, Тэ-хён заказал рис с кимчи и холодную воду. Ел он медленно, механически жуя и краем глаза непрерывно наблюдая за улицей. Мысли его крутились возле Санбалама. Гиль-у прав, Председатель и правда сильно сдал. Так, чего доброго, он и до своего юбилея не живёт. Он отчаянно нуждался в поддержке.

Но гордость чеболя не позволяла его признать, что Лин-на нужна ему. Чувствовалось, что его боль была вызвана даже не столько мнимым предательством Лин-ны, сколько её внезапным и таким решительным уходом.

Тэ-хён не просто так остановился поесть. Всё время в пути, пока Гиль-у вёл машину и разглагольствовал о своём приобретении, он следил за машинами в боковом зеркале. Его не оставляло чувство, что с тех пор, как он прибыл в Санбалам, за ним неотрывно следили.

За время обеда он дважды заметил одну и ту же серую «Киа», которая сначала проехала мимо, а потом припарковалась на противоположной стороне дороги, объехав квар-

тал. За ним плотно вели наружное наблюдение. И каждый его неверный шаг на пути к Лин-не мог выдать её укрытие.

Но отказаться от поездки за её вещами и блокнотом он не мог — он обещал. Оставалось только переиграть «хвост». И единственное, в чём Кан Тэ-хён сейчас был уверен на сто процентов: доверять в этом расплавившемся под солнцем городе можно только себе самому.

* * *

Часа три он методично колесил по Сеулу, изображая обычную бытовую деятельность и делая вид, будто совершенно не замечает преследования. Он позвонил Пан-соку, коротко и осторожно дав другу понять, что его дом плотно обложила наружка. Набрал сестру, которая со дня на день готовилась стать матерью, созвонился с братом, о делах которого не слышал уже больше месяца — Тэ-хён демонстративно общался с кем угодно, лишь бы у слежки не возникло и мысли о его связи с Лин-ной.

Он намеренно зашёл в огромный торговый центр «Шинсеге». Здесь легко было затеряться в плотном беспорядочном потоке покупателей. Но он не стал сильно петлять и прятаться — пусть преследователи считают его неумелым конспиратором. Поднявшись на верхний этаж, он просто устроился в углу шумного фуд-корта, откуда вся зона была как на ладони, и чётко засёк парней, которые его вели.

Достав смартфон, Тэ-хён проверил расписание рейсов до Милана на сайте аэропорта. Мысли лихорадочно сменяли

одна другую. Он мучительно думал, как ловчее убедить Лин-ну покинуть Корею. Если среди её вещей в квартире он отыщет заграничный паспорт, то сразу, не раздумывая, закажет билет. Если понадобится — силой посадит её на самолёт, невзирая на любое сопротивление. Остаться в Сеуле Лин-не было смертельно опасно.

На выходе из центра он заметил небольшой киоск сотовой связи. Зашёл туда и за наличные купил самый простой аппарат для Лин-ны, оставшейся без связи, оформив на своё имя временную предоплаченную SIM-карту. Для банковских приложений или онлайн-покупок в Корее такой номер не годился, но для коротких экстренных звонков и шифрованных сообщений между ними двумя это было идеальное средство связи.

Ближе к вечеру он спустился на переполненную станцию метро. Тэ-хён дождался поезда, сделал вид, что заходит в вагон вслед за толпой, но в самую последнюю секунду — перед хлопком раздвижных дверей — резко шагнул обратно на платформу. Состав унёс растерявшегося пешего агента в тёмный туннель.

Убедившись, что «хвост» окончательно срезан, Тэ-хён на перекладных добрался до нужного квартала.

Солнце клонилось к закату, окрашивая высотки в тусклый, тревожный багрянец. Город лениво оживал после удушливой полуденной жары: офисные клерки спешили к автобусам, студенты шумно толпились у уличных лотков с горячи-

ми рисовыми пирожками хот-ток, пожилые женщины чинно выгуливали крошечных собак. В этом плотном людском потоке мужчина в обычной серой одежде нисколько не выделялся.

Тэ-хён натянул на лицо защитную маску, ставшую за последние годы такой привычной на улицах Сеула, что на неё никто не обращал внимания, пригладил волосы и глубоко сунул руки в карманы брюк, стараясь выглядеть как обычный, смертельно уставший после смены местный работяга. Проникнуть внутрь жилого комплекса на этот раз не составило труда — Лин-на ещё вчера продиктовала ему все коды доступа.

Он спокойно поднялся на лифте на семнадцатый этаж. Уверенно набрал цифровую комбинацию на панели электронного замка и бесшумно перешагнул порог полутёмной квартиры. Солнце уже перевалило на западную сторону, и обращённые на восток комнаты апартаментов целиком утонули в глубоких вечерних тенях.

Сняв у порога туфли, Тэ-хён уже знакомым маршрутом прошёл в гостиную и замер.

Назвать увиденное бардаком было трудно — у Лин-ны было слишком мало личных вещей, чтобы их можно было раскидать в живописном беспорядке. Но даже из этого спартанского минимума кто-то умудрился создать хаос.

Дверцы кухонных шкафов были приоткрыты. Огромный диван в центре комнаты перевернут на спинку, диванные по-

душки валялись на полу, угол мягкого ковра вывернут наизнанку. А на журнальном столике, за которым Лин-на работала в день, когда он нашёл её здесь, сиротливо стояла одна лишь ядовито-зелёная кружка.

Ни ноутбука. Ни рабочего блокнота.

Сердце Тэ-хёна болезненно сжалось. Он не успел. Кто-то уже побывал тут и забрал всё, что было для Лин-ны так важно.

Внезапно со стороны прихожей донёсся короткий металлический щелчок. Кто-то резко нажал на внутреннюю ручку входной двери.

Тэ-хён опрометью метнулся в коридор. В полутьме он успел разглядеть силуэт человека, замершего в дверном проёме — должно быть, вор прятался в спальне или ванной, выжидая момент, пока незваный гость уйдёт вглубь гостиной, и теперь шёл на прорыв. На пороге незнакомец обернулся. Всего на долю секунды их глаза встретились поверх защитных масок.

Тэ-хён сорвался с места, но прыткий вор уже выскользнул на лестничную площадку и с силой захлопнул дверь. Автоматический электронный замок мгновенно защёлкнулся, отрезая преследователя. Тэ-хёну пришлось потерять драгоценное мгновение, вслепую нащупывая на панели кнопку разблокировки. Едва замок пискнул, открывая путь, он рванул створку.

Как был, в одних носках, Тэ-хён бросился в погоню за во-

ром, который уходил по лестнице. Стопы отчаянно скользили по гладкому камню площадки.

Вор уже вовсю летел вниз, опережая его на пару пролётов. Эхо от его шагов гулко разносилось по бетонному колодцу подъезда. Прыгая через три ступени и едва удерживая равновесие, Тэ-хён нёсся следом. Он был быстрее, выносливее и имел все шансы настичь менее подготовленного беглеца. Но на повороте одиннадцатого этажа на площадку внезапно выскочил тот самый крошечный шпиц, которого Тэ-хён на днях видел на руках у пожилой жительницы этого дома.

С заливистым, истеричным лаем дурацкая собачонка бросилась наперерез и намертво вцепилась зубами в его штанину, мешая набрать ход.

— Пшла! — рявкнул Тэ-хён.

Он с трудом отбрыкался от неё, на глазах у растерянной хозяйки резким пинком отбросил визжащий пушистый комок в угол, и, не дожидаясь, пока упрямая шавка снова пойдёт в атаку, на пределе сил помчался дальше вниз. Но внутренний секундомер уже безжалостно отсчитал потерю времени. Драгоценный задел был упущен.

Он выскочил из стеклянных дверей лобби ровно в тот момент, когда мужчина в чёрном худи уже запрыгивал на сиденье припаркованного у пандуса автомобиля. Вцепившись в ручку пассажирской двери, Тэ-хён последним отчаянным рывком попытался рвануть створку на себя, чтобы достать беглеца из салона. Но тот уже заперся и запустил мотор.

Чёрный бизнес-седан с визгом покрышек рванул с места, едва не протащив Тэ-хёна по асфальту и увозя в темноту сумку с ноутбуком Лин-ны. Всё, что Тэ-хён успел выхватить взглядом за долю секунды, — бледное мужское лицо над съехавшей на подбородок маской.

Оставшись стоять на подъездной дорожке в полном одиночестве, в стёртых до дыр носках, Тэ-хён по-армейски смачно, в голос выругался, проклиная себя за медлительность. То, что было Лин-не дороже всего, сейчас стремительно исчезало в сеульском трафике.

Ноутбук. И её блокнот.

Красная кожаная обложка. Слегка потёртые края. Тот самый блокнот, который заменял ей и планшет, и записную книжку, и даже визитницу. Пока другие женщины носили с собой сумочки со всякими мелочами, Лин-на везде брала с собой именно его.

В современном мире, завязанном на облачные гаджеты и смартфоны, бумажный блокнот казался пережитком прошлого. Но Лин-на всегда предпочитала писать от руки — будто в самом движении тонкого пера по бумаге заключалась особая, хирургическая ясность мысли.

Понуро опустив плечи, Тэ-хён побрёл обратно в дом — подбирать то, что осталось. Никакого блокнота в гостиной он, конечно, не обнаружил. Если Лин-на и пыталась надёжно спрятать свой тайник, профессиональный вор вывернул комнату наизнанку и нашёл его.

Бросив слоняться без толку по гостиной, Тэ-хён направился в спальню.

Здесь всё было так же, как он помнил: широкий матрас, брошенный прямо на паркет, полное отсутствие шкафов или кровати. Ночным столиком служила пара сложенных стопкой книг. Но личные вещи Лин-ны были грубо выпотрошены наружу и безжалостно раскиданы по всему полу. Лин-на, с её маниакальной заикленностью на порядке, никогда бы так не поступила. Сам чемодан лежал в углу, вспоротый ножом в нескольких местах — искали потайные карманы под шелковой подкладкой.

Расстроенный до глухого опустошения, Тэ-хён опустился на колени и начал методично собирать чёрно-красные вещи, бережно укладывая их в многострадальный чемодан. Туфли, строгие блузки, брючные костюмы — всё, что могло пригодиться ей прямо сейчас. Всё, к чему только что прикасались чужие, кошунственные руки.

И вдруг из кармана строгого офисного жакета, который вор небрежно отшвырнул в сторону, выпала маленькая чёрная вещица. Тэ-хён поднял её. На ладони засветился матовым блеском гладкий обсидиановый кулон со встроенным микро-GPS-трекером — его собственный подарок, который он сделал ей сразу после того безумного случая на Чеджу.

Тэ-хён был на сто процентов уверен, что Лин-на давно избавилась от маячка. Её параноидальная привычка опасаться всего, что могло выдать её маршруты чужим людям, не

позволяла ей до конца довериться даже человеку, который дважды спас ей жизнь. Повертев в задумчивости холодный камень, он молча спрятал его в карман своих брюк. Она не выбросила его. Не активировала, но почему-то сохранила.

Полноценно осмыслить это он не успел. Перебирая оставшийся ворох одежды, Тэ-хён наткнулся на небольшую фотографию. Она лежала в простейшей пластиковой рамке — чуть помятая по краям, но уцелевшая. На снимке улыбался мальчик лет двенадцати. Светлые растрёпанные волосы, узкий подбородок, прямой нос... и глаза. Глаза того самого странного, пронзительного зеленоватого оттенка. Точь-в-точь как у Лин-ны.

Тэ-хён обессиленно опустился прямо на паркет.

Ребёнок на фото улыбался открытой, чуть застенчивой улыбкой и, казалось, тянулся руками к кому-то, кто остался за кадром.

Её сын. Эта мысль ударила в голову, как разрывной снаряд.

Всё это время он искренне считал её одинокой волчицей. Она никогда, ни единым словом не упоминала о семье, о том, что или кто ждёт её там, в Европе. В её холодном взгляде, в манере всегда держать спину идеально прямой, даже когда она валилась от усталости, в том, как она молчала, пока другие жаловались на жизнь, сквозило абсолютное, звенящее одиночество. Но если у неё есть сын... значит, где-то там существует её настоящая жизнь? Семья, о которой он

ничего не знал?

Горло сдавило мёртвой хваткой. Тэ-хён почувствовал себя жестоко, подло преданным — и даже не в любви, на которую он изначально не имел никакого права, а в самом элементарном доверии. Он ведь выворачивал перед ней душу наизнанку: рассказывал о годах в военной тюрьме, о болезненном разрыве с Ын-ми, о стыде за неоправданные надежды родителей. А она... она скрывала существование самого важного человека в своей жизни.

Он крепко зажмурился, до боли прижав ладони к вискам. Сколько же всего ещё Консильерита Лин-на утаивала от него под своей непроницаемой маской? Тэ-хён понятия не имел, есть ли у неё сейчас любимый мужчина, муж или отец этого ребёнка. Но сам факт того, что колоссальная, важнейшая часть её сердца оставалась для него запретной зоной, выжигал всё внутри и оставлял на душе липкую, серую муть.

Тэ-хён аккуратно вытащил снимок из копеечной рамки и бережно убрал его в нагрудный карман рубашки, ближе к сердцу.

Он обвёл разгромленную спальню последним, прощальным взглядом. Нет, сюда она больше точно никогда не вернётся. И он не оставит здесь ничего, что могло бы навести на её след ищеек Чо Тэ-сана. Чудом не тронутые вором личные документы и запасные банковские карты Лин-ны он засунул на самое дно порезанного чемодана.

Тэ-хён покидал квартиру в глубоком, изнуряющем раз-

драе чувств. Бумажная фотография раскалённым клеймом жгла ему грудь сквозь тонкую ткань, а в кармане брюк глухо перекатывался его собственный подарок. Он уходил, разрываясь между слепой, ядовитой ревностью к её чужому прошлому и едва теплившейся, глупой надеждой на их общее будущее.

Глава 3. Миллион шипов для алой розы

До Янпхёна Тэ-хён добрался уже в темноте. Из такси высадился, как обычно, в самом начале улицы. Привычно замер на обочине, сканируя взглядом тёмные углы и проверяя, нет ли «хвоста», и только после этого шагнул на гравийную дорогу. Почти сразу до него донёлся приглушённый шум из глубины посёлка: чужой смех, обрывки музыки, невнятный мотив. Кто-то из соседей устроил вечеринку.

Узкая улочка между частными домами тонула в густых сумерках. Каждый хозяин освещал свой участок как придётся: у одних горел одинокий фонарь над калиткой, у других весело мигала гирлянда на крыльце, а кто-то оставил лишь тусклый ночник под навесом. Тэ-хён шагал по неровной дороге, упрямо таща за собой чемодан Лин-ны — теперь уже бесполезный, без блокнота и ноутбука. Камни противно шуршали под колёсами.

Чем ближе он подходил к забору, густо увитому диким виноградом и плющом, тем отчётливее становились звуки. Вскоре Тэ-хён с удивлением понял: шумели не соседи. Веселье шло в доме Хан-ны.

Он нажал на кнопку домофона у калитки. Никто не отве-

тил. Позвонил ещё раз, удерживая палец дольше — тишина. Тэ-хён нахмурился. Не колеблясь, он перебросил чемодан через забор, легко перемахнул следом — Хан-не и раньше бывало лень идти открывать — и резко застыл.

Французская терраса, которой Хан-на так гордилась, была залита ярким светом. На широком столе теснились миски с закусками, банки из-под пива и зелёные бутылки соджу. На жаровне лениво шкворчало мясо, а из колонок на полную мощность гремело караоке. И посреди всего этого праздника Хан-на и Лин-на — обнявшись, танцевали, пели и смеялись.

Пела в основном Хан-на, явно пытаясь обучить гостью корейской классике. Голосом, привыкшим перекрикивать грохот погрузчиков на складе, она надрывно орала в беспроводной микрофон знаменитый хит про миллион роз. В её исполнении эта тихая, философская песня о бескорыстной любви и возвращении на далёкую звезду внезапно превращалась в какой-то отчаянный, злой манифест.

— *Пэгман сони, пэгман сони... джанми рыль! Кыдэ егэ... тырири!*

Но то ли Хан-на успела выпить лишнего, то ли слишком старалась перещеголять иностранку, мотив у неё безбожно разваливался. Чувствовался какой-то театральный надрыв, как у плохого актёра, пытающегося донести до зрителя глубокий смысл слов. Тэ-хён нахмурился, не понимая, что именно сейчас происходит с его старой подругой, но списал это на алкоголь.

Лин-на обучаться корейскому категорически не хотела и упрямо вела свою линию, со смехом, точно передразнивая, выговаривая мягкие, незнакомые Тэ-хёну слова. Он не понимал ни единого звука, но по тому, как Лин-на тянула гласные, сразу догадался: она поёт ту же самую песню, только в её оригинальном, чужом для Кореи варианте.

Тэ-хён застыл в недоумении. Он впервые слышал, как она поёт. Да что там, он вообще впервые видел Лин-ну такой. Великая консьюэри дома Чжин, вечно затянутая в строгие брючные костюмы, на его памяти не позволяла себе даже намёка на расслабленную улыбку. А тут она стояла на веранде, как на сцене, держала в руках микрофон и легкомысленно подыгрывала Хан-не.

Тэ-хён невольно сделал шаг ближе к террасе, словно завожжённый.

Петь Лин-на толком не умела — это было очевидно. Но её голос, обычно холодный, собранный, привыкший раздавать приказы или жалить встречной насмешкой, сейчас звучал совершенно иначе. Он был тихим, мягким и каким-то беззащитным. Незнакомые русские слова плавно перетекали одно в другое, и этот непривычно певучий, низковатый звук коснулся слуха Тэ-хёна так неожиданно, что вдоль позвоночника пробежала странная, обжигающая волна.

Ему стало плевать на фальшивые ноты. Он просто стоял в темноте и впитывал этот голос, не в силах пошевелиться, будто от её пения зависела его собственная жизнь.

— Нет! — возмутилась Хан-на, воинственно размахивая бутылкой соджу. — Послушай, как надо! *«Саран паке, саран паке, саран паке моорынын...»*

Она надрывно затянула строчки о том, что кроме любви ничего не знает, и Тэ-хён невольно зажмурился. Слышать, как безжалостно перевирают мотив, было физически больно.

— Глупости! — со смехом оборвала её Лин-на, обессиленно опускаясь в плетёное кресло-качалку. — Вы всё переврали. Эта песня — про безнадёжно влюблённого художника, который ради женщины продал всё и купил море цветов, а не про какую-то там звезду. И слова написал наш поэт, и спела её впервые наша певица!

В её зелёных глазах мелькнула едва заметная грусть. Она явно думала о чём-то своём, далёком от корейских звёзд и кармического долга — скорее, о безумном, разрушительном порыве, который сжигает дотла. Тэ-хён поймал этот её взгляд, и внутри у него болезненно кольнуло.

— Нет, песня наша! Её написала Сим Су-бон! — упрямо настаивала Хан-на, в пылу спора окончательно перепутав горлышко бутылки с микрофоном.

— Да ну? А от кого она её услышала? Мелодия стала популярной в Корее только после азиатского тура нашей эстрадной примадонны. Так что оригинал — наш.

— Этого не может быть! Ты всё врёшь! — Хан-на с грохотом хлопнула ладонью по столу, отчего пустая посуда испуганно звякнула.

«Да они же пьяные вдрызг», — с нарастающим ужасом подумал Тэ-хён.

Хан-на продолжала эмоционально жестикулировать стеклянной тарой, то ли пытаясь переспорить гостью, то ли просто удерживая равновесие. Лин-на же сидела спокойно, меланхолично покачиваясь в кресле и будто наблюдая за бурей издалека.

— Я подарю тебе виниловую пластинку, когда всё закончится, — примирительно пообещала она. — Сама послушаешь.

— Ладно, — внезапно остыла Хан-на, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Твоя взяла. Тогда давай споём мою любимую...

— Нет, нет, нет, — поспешил вмешаться Тэ-хён, решительно выходя из тени сада на залитую светом террасу. — Хватит. Вы так весь посёлок на уши поставите. Вас на соседней улице слышно.

Он подошёл к панели управления и одним движением вырубил колонки, а затем забрал у женщин микрофоны. На террасе повисла оглушительная, непривычная тишина.

Женщины недоумённо уставились на него, обе явно не понимали, как и когда он здесь материализовался. Лин-на мгновенно притихла. На её щеках проступил едва заметный румянец, но она тут же подобралась, возвращая себе привычную холодную осанку. А вот Хан-на, тяжело опершись одной рукой о край стола, неустойчиво развернулась и с вы-

зовом прищурилась.

— Ты откуда взялся... ик! Мы тебя вообще-то не ждали.

— Оно и видно, — проворчал Тэ-хён, хмуро оглядывая батарею пустых бутылок и догорающие на жаровне угли. — Если соседи вызовут полицию, и вы обе загремите в участок, я вас вытаскивать не буду.

— Пфи... — картинно фыркнула Хан-на, качнувшись назад. — Ну и не надо! Мы с Лин-ной сами... ик... справимся.

Она вдруг подалась вперёд, едва не ткнувшись носом в его плечо, и заговорщически прошептала, словно открывала Тэ-хёну величайшую тайну века:

— У неё башка варит как у... АльфаГо! Реально. Тэ-хён-и, у неё вместо мозгов — процессоры, клянусь тебе! Она всё просчитывает!

Тэ-хён невольно скосил глаза на Лин-ну. Слово «Альфа-Го» после знаменитой победы искусственного интеллекта над корейским чемпионом го знали все — так теперь уважительно называли людей с феноменальным, компьютерным умом. И Лин-не это прозвище подходило как никому другому. Вот только прямо сейчас этот «компьютерный гений» сидел в кресле-качалке с бутылкой соджу и в слегка растрёпанным виде.

Хан-на попыталась гордо выпрямиться, но центр тяжести подвёл. Её повело в сторону.

Тэ-хён и Лин-на среагировали одновременно. Но спецназовская подготовка Тэ-хёна дала о себе знать — он оказался

быстрее. Подскочив, он перехватил обмякшее тело подружки в самый последний момент, прежде чем она успела осесть на деревянный настил.

Хан-на тяжело повисла у него на руках. Встать на ноги она уже не могла, да и не пыталась. Пробормотав что-то невнятное про «ещё одну песню для Лин-ны», она внезапно шумно вздохнула и обмякла.

— Что с ней? — встревоженно спросила Лин-на.

— Отключилась. Пить меньше надо, — сурово отрезал Тэ-хён. Он поудобнее перехватил молодую женщину, без труда поднимая её на руки.

— Она просто пыталась заглушить внутренний голос, — тихо, словно оправдывая подругу, отозвалась Лин-на. Она посмотрела на спящую Хан-ну со странной смесью жалости и понимания. — Что теперь с ней делать?

— Отнесу в гостиную на диван. С неё на сегодня хватит.

* * *

Укладывать Хан-ну на диван пришлось совместными усилиями. Она ещё брыкалась, рвалась обратно к микрофону и что-то бессвязно бормотала на плече Тэ-хёна, пока окончательно не сникла. Тэ-хён едва успел подставить пластиковый тазик, когда её шумно стошнило.

Лин-на при виде этого зрелища деликатно отступила на кухню, но уходить совсем не стала. Она молча наблюдала из соседней зоны за тем, как Тэ-хён ухаживает за пьяной подругой. От этого взгляда внутри поселилась неловкость. Не

за Хан-ну — её-то как раз было по-настоящему жаль, бедняжка явно страдала, перебрав с алкоголем и безудержным весельем. Неловко было перед Лин-ной, ставшей свидетельницей такой неприглядной изнанки чужой жизни.

Тэ-хён невольно вспомнил Гонконг. Тот проклятый отель, где он сам напился почти до чёртиков, а Лин-на всю ночь возилась с ним. Мысль обожгла стыдом. Он очень надеялся, что исполнительному советнику тогда не пришлось убирать за ним лично, и она просто перепоручила это грязное дело бригаде частной скорой или персоналу отеля.

— Зачем было так напиваться? — посетовал Тэ-хён, когда пришёл на кухню мыть руки.

— А ты попробовал бы её остановить, — негромко отозвалась Лин-на из темноты. — Она хотела подружиться.

— Утром ей будет паршиво, — вздохнул он, насухо вытирая ладони полотенцем.

Затем принялся по-хозяйски распоряжаться. Зажёг газ, водрузил на конфорку чайник. Из шкафчика привычным движением достал чашки, упаковку острого раёна и аптечку. Нашёл нужные лекарства. Для Хан-ны он развёл в кружке плотный белый раствор адсорбента. Для Лин-ны — заварил крепкий зелёный чай. Себе просто залил раёнов крутым кипятком прямо в картонном стакане.

Всё это время он кожей чувствовал на себе её пристальный взгляд.

Лин-на стояла у подоконника, заслонив собой свет разно-

цветных гирлянд с террасы. Скрестив руки на груди, и сохраняла абсолютное, почти каменное спокойствие. Но смотрела внимательно. Так изучающе, словно каждое его будничное домашнее движение открывало ей какую-то новую, неизвестную доселе сторону Кан Тэ-хёна.

А потом, словно приняв для себя внутреннее решение, молча развернулась и ушла обратно на террасу.

Тэ-хён опёрся тяжёлыми руками о кухонную тумбу, низко опустил голову и шумно, со свистом выдохнул. Не такой встречи он ждал — слишком много навалилось за этот день.

На диване страдальчески застонала Хан-на. И что на неё нашло? Так напиться... Он подошёл, приподнял её с подушки и заставил сделать пару глотков лекарства. Хан-на тут же полезла обниматься, бормоча что-то невнятное, но Тэ-хён твёрдой рукой уложил её обратно. Наконец она уснула — или просто забылась на время.

Заботливо укрыв её пледом, Тэ-хён ещё с минуту посидел рядом, разглядывая собственные ладони. Наконец собрался с духом. Он вернулся на кухню, собрал на поднос миску с лапшой и кружку чая для Лин-ны, а затем погасил свет и вышел к ней на свежий воздух.

* * *

После того как безудержное веселье стихло, здесь стало по-настоящему уютно.

Из сада тянуло ночной прохладой, отовсюду разносился оглушительный стрёкот цикад, а в воздухе витал густой аро-

мат диких роз. Тех самых, что в песне расцветали в душе человека со звезды, познавшего чистую земную любовь. Вот только Тэ-хён благостного умиротворения почему-то не чувствовал.

Только сейчас, в наступившей тишине, он до конца осознал, как отчаянно рвался сюда весь день. Как влюблённый мальчишка, который считает секунды до встречи. Представлял, как зайдёт, как она посмотрит... В его душе и правда распускались эти проклятые розы, и их аромат пьянил сильнее любого соджу. Тэ-хён ведь всеми силами удерживал себя, чтобы не сорваться, не примчаться очертя голову, наплевав на конспирацию и хвосты.

Он просто хотел её увидеть.

И вот она сидела напротив в глубоком плетёном кресле, укрыв ноги пушистым пледом, и слегка покачивалась в такт собственному дыханию. Лин-на казалась воплощением созерцания и покоя — если бы не сложенные на животе руки.

Тонкие пальцы были судорожно сцеплены в замок, так крепко, что побелели суставы, а упрямые губы плотно поджаты. Лин-на смотрела мимо него, в черноту сада, и на её лбу читалась не то обида, не то глухое недовольство.

Тэ-хён молча протянул ей кружку с зелёным чаем и сел напротив, за деревянный столик.

Лин-на приняла напиток без единого слова, так и не удостоив его взглядом. Будто он уже успел в чём-то провиниться, но снисходить до объяснений великая консьюери не ста-

ла.

Тэ-хён слишком хорошо знал это выражение лица. Оно часто появлялось у Ын-ми, когда та ждала, что он сам чудесным образом догадается о своих косяках. Самое ненавистное, удушающее состояние. Уж лучше бы врезала наотмашь или высказала всё прямо в лоб.

Грея пальцы о горячий бок миски с ramen, Тэ-хён украдкой разглядывал Лин-ну. И вдруг поймал себя на мысли, что почти не узнаёт её. Что-то в её облике неуловимо и безвозвратно изменилось.

На ней была самая простая одежда — джинсы и свободная клетчатая рубашка, явно из гардероба Хан-ны. Волосы перехвачены на затылке в низкий, небрежный хвост. В полумраке веранды она казалась удивительно, непривычно домашней.

Избавившись от своей извечной брони из чёрного и кроваво-красного глянца, Лин-на преобразилась, и эта метаморфоза пугала Тэ-хёна сильнее её прежней ледяной властности. В чертах лица, обычно точёных и резких, проступила расслабленная, какая-то сонная мягкость. Линии плеч округлились, исчезла вечная струнная натянутость. Она даже сидела иначе.

Тэ-хён поймал себя на том, что неотрывно смотрит на её фигуру. Просторная хлопковая ткань рубашки скрадывала контуры, но под складками его память безошибочно угадывала плавные изгибы тела, которое ещё сутки назад полно-

стью принадлежало ему.

В её жестах, в том, как она склоняла голову, как плавно покачивала ногой, появилось что-то медлительное, почти гипнотическое. И эта сквозившая во всём её облике уязвимость будила в нём целую бурю первобытных, эгоистичных инстинктов. Тэ-хёну отчаянно, до ломоты в суставах захотелось сорваться с места, сгрести эту хрупкую «домашнюю» Лин-ну в охапку, спрятать от всего мира и никогда больше не выпускать из рук.

Но вместо этого он лишь сильнее сжал пальцами картонный стакан с лапшой, заставляя себя оставаться на месте.

Он не заметил у неё никаких признаков алкогольного опьянения. Безудержное веселье, свидетелем которого он стал по приезду, оказалось всего лишь спектаклем. Лин-на просто подыгрывала подруге. Зелёная бутылка, которую она весь вечер держала в руке, теперь сиротливо стояла на деревянном настиле возле её кресла — раскупоренная, но почти полная.

Надо было сделать хоть что-то, чтобы разорвать это удручающее молчание. Тэ-хён кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Я привёз твои вещи, — он коротко кивнул в сторону тёмного угла веранды, где сиротливо замер покорёженный чемодан. — Но... прости. Ноутбука на квартире не было. Там кто-то знатно пошарил до меня. Забрали комп. И блокнот тоже.

Лин-на не вздрогнула и ругаться не стала. Она лишь медленно отхлебнула ароматный чай, глядя поверх чашки, и глубоко задумалась.

— Ноутбук им так просто не взломать, — негромко, после долгой паузы произнесла она. — Да там и нет ничего важного. А вот блокнот — это серьёзно...

Она опустила глаза, рассматривая кружку.

— Там были все мои рабочие заметки. И планы Джиротти.

Тэ-хён остро взглянул на неё. Одно лишь упоминание этого итальянского имени мгновенно всколыхнуло в нём застарелую обиду, подозрения и давящую ревность. Он до сих пор так и не уяснил для себя, кем именно приходится Лин-не этот человек и что их связывало. Но то, что она так просто, без намёка на тайну, произнесла его имя вслух, заставило Тэ-хёна внутренне подобраться.

Это точно не было случайной оговоркой. Лин-на действительно была выбита из колеи серьёзностью промаха, раз позволила себе проявить перед ним слабость и так открыться.

— Всё настолько критично? — спросил он, искренне полагая, что речь идёт об обычной записной книжке с памятными пометками.

Лин-на хмуро кивнула.

— Там расписано всё, что мы с Джиротти готовили для реструктуризации «Синджин». Вся стратегия и план развития конгломерата на годы вперёд, — она устало потёрла пальцами переносицу. — Забудь. Всё самое важное там за-

шифровано. На коленке не разберёшься.

Но её упавший голос вовсе не соответствовал напускной легкомысленности слов. По лицу консье́ри продолжали бродить тени глубокого беспокойства. Она боялась.

— Если этот блокнот так важен для тебя, я его достану, — чётко, по-военному отчеканил Тэ-хён. — Мне кажется, я знаю похитителя. Это личный помощник Пон-джуна. Я его не раз видел в его доме.

Лин-на тут же оживилась, вскинула голову, отставила кружку и впервые за вечер посмотрела Тэ-хёну прямо в глаза.

— Вот как? Это в корне меняет дело. Пон-джуну ни за что не разгадать шифр. Я использовала систему Виженера с транслитерацией и русский вместо корейского. Пусть помучается, если так хочется, — она зло и коротко усмехнулась.

Тэ-хён промолчал, но мысленно с ней не согласился. Он не собирался легкомысленно относиться к тому, что угрожало безопасности Лин-ны. Тем более, когда за спиной сына Председателя маячила фигура Чо Тэ-сана. Этот лис точно найдёт способ заставить кого-нибудь взломать шифр. Но делиться своими планами с Лин-ной Тэ-хён не стал. Он просто молча подцепил палочками раме́н.

Какое-то время они оба молчали. Тэ-хён сосредоточенно ел — не столько от голода, сколько потому, что не знал, чем занять собственные руки. Лин-на неподвижно смотрела в черноту за перилами террасы, её пальцы безотчётно тере-

били край клетчатой рубашки. Но мысль, зацепившая Тэ-хёна во время разговора, никак не отпускала.

— Ты настолько ему доверяешь? — наконец нарушил он тишину.

— Кому? — встрепенулась Лин-на, словно её вырвали из глубоких раздумий.

— Этому своему... итальянцу.

— Джиротти? — запросто переспросила она, возвращаясь взглядом на террасу. — Насолько, насколько вообще можно доверять человеку, который возвёл деньги и финансовые потоки в абсолютный культ. На самом деле, — её тон заметно изменился, стал более деловым, — Ренато из тех, кто в принципе не верит людям. Он верит исключительно цифрам. И оценивает любого человека с точки зрения суммы, которую нужно в него вложить, чтобы купить его лояльность или уничтожить. Если выхлоп не стоит затраченных средств, он просто игнорирует объект.

«Но тебя-то он ценит совершенно иначе», — угрюмо отметил про себя Тэ-хён и крепче сжал бамбуковые палочки над миской.

В памяти мгновенно всплыл тот проклятый ужин в ресторане. Тэ-хён слишком хорошо помнил, как этот европеец с чёрными, как антрацит, глазами смотрел на неё. Как искал любого повода невзначай коснуться её ладони, чтобы успокоить, когда эмоции взяли верх.

Тэ-хён ещё тогда решил для себя, что этот лощёный ита-

льянец ему не соперник. Слишком старый, слишком апатичный, привыкший воевать только чужими руками. Он ведь даже не сумел защитить Лин-ну от мальчишки-самокатчика! Но стоило ей произнести его имя здесь, на полутёмной террасе, и в душе Тэ-хёна с новой силой всколыхнулась прежняя, злая неуверенность.

Лин-на ведь не была обычной женщиной. Её невозможно было покорить широкими плечами, спецназовской выправкой или сильными руками. Она ценила в мужчинах совсем другое — масштаб ума, расчёт и гениальность.

Мучительно было осознавать, что в её вселенной существует кто-то богатый, недостижимо умный и способный решать её проблемы на глобальном уровне. По сравнению с этим финансовым гением Тэ-хён чувствовал себя нищим солдафоном, простым «силовым инструментом», которого нанимают для грязной работы.

— Я для него выгодная инвестиция, — продолжила тем временем Лин-на, не замечая, как глубоко вонзаются её слова в его самолюбие. — И в то же время — забавный артефакт. Знаешь, это как с волшебником. Ренато занимается своей финансовой магией... На самом деле я сама не всегда понимаю, откуда у него берутся такие колоссальные ресурсы. Деньги просто материализуются в его руках. Он манипулирует потоками, как чистой энергией, вообще не замечая людей вокруг. Но у каждого могущественного мага должен быть питомец — непонятный зверёк, которого терпят, поз-

воляют творить глупости и потакают любым прихотям просто потому, что так веселее. Порой мне кажется, он смотрит на меня как на эксперимент: «Что из этого выйдет, если я помогу ей ещё немного?».

— Это всё равно не объясняет, почему ты ему так веришь, — Тэ-хён упрямо вернул её к сути вопроса. — Ты уверена, что он не манипулирует тобой? Что не пытается через тебя подобраться к тайным фондам «Синджин», чтобы потом ободрать Председателя как липку?

Лин-на скосила глаза в сторону, словно под навесом террасы были записаны готовые ответы, и ненадолго задумалась.

— Уверена. Ренато умеет играть по-честному. Он не подлец. Грязные игры — это для врагов. А что касается тех, кто для него ничего не значит... Джиротти слишком умён, чтобы тратить силы на пустые игры. Ему это скучно. Зачем красть деньги, он и так их сделает.

— Но я слышал, что у Председателя с ним вышли какие-то крупные разногласия. Что-то они не поделили в теории мировых финансовых отношений.

— А, это... — Лин-на неожиданно мягко улыбнулась. — Пустяки. Ничего не значащий спор на страницах аналитических вестников. Ренато просто было забавно злить консервативное бизнес-сообщество, подбрасывая провокационные статьи. Не знаю, почему Председатель зацепился за них и воспринял как личное оскорбление своего многолетнего

опыта.

Тэ-хён взглянул на Лин-ну и тут же резко отвёл взгляд, опасаясь, что внезапно вспыхнувшее воспоминание лишит его остатков самоконтроля. Лин-на тепло улыбалась, думая об итальянце, а Тэ-хён неотрывно смотрел на её губы. В его голове против воли бродили совсем иные, шальные мысли и желания. Он ещё слишком живо помнил, как эти же губы, влажные и горячие, целовали его в темноте монастыря.

Едва сдерживаясь, чтобы не выдать себя с головой, он потянулся к столу, схватил недопитую Хан-ной бутылку соджу и сделал быстрый, жадный глоток прямо из горлышка. Дешёвый алкоголь огненной волной прокатился по пищеводу, но так и не смог заглушить этот внутренний ожог. Наоборот, спирт словно поджёг скопившуюся внутри обиду. Тэ-хён с нажимом опустил бутылку обратно на стол и едва заметно вздохнул, чувствуя, как глубоко в груди ворочается тяжёлый, холодный ком ревности. Горячее соджу его не взяло.

Сглотнув горькую слюну, он глухо произнёс:

— Похоже, ты очень хорошо знаешь этого человека.

— Это синдром Маленького принца, — лицо Лин-ны вдруг изменилось, словно она припомнила что-то из прошлого. Что-то тяжёлое, до сих пор тяготившее её душу. — Мы в ответе за тех, кого приручили. Я, в какой-то мере, причастна к его спасению. Но в то же время я его использовала. Для таких людей, как Ренато, это мучительно. Он привык отвечать злом на зло, а добром — на добро. И то, что добра

в его жизни было ничтожно мало, делает эту позицию ещё более принципиальной. Так что тут ещё вопрос, кто кем манипулирует.

Она понизила голос почти до шёпота, и в глубине её зелёных глаз отразилась затаённая грусть. Для Тэ-хёна стало настоящим открытием, что эта железная, расчётливая консьержка способна испытывать подлинные муки совести из-за того, что когда-то помогла человеку не бескорыстно. И теперь ей попросту совестно принимать ответную преданность.

Он мало что понял из хитросплетений прошлого между этими двумя, но подспудно чувствовал: всё куда сложнее, чем она пытается изобразить.

— Он смог бы тебя защитить? Там, в Европе? — глухо спросил он.

Лин-на задумалась лишь на мгновение.

— Думаю, да. Деньги для него не проблема, и он совершенно не боится их тратить. Это ведь Ренато нанял для меня хакера Джей-Джея и Джину. Пожалуй, если разложить карты, он единственный человек, которого всерьёз озаботила моя безопасность здесь, в Корее. Он нанял бы для меня целую армию, если бы телохранителей можно было просто носить в кармане, — Лин-на горько фыркнула.

Вряд ли она хотела его намеренно уязвить. Скорее, в пылу расчётов просто упустила из виду тот факт, что Тэ-хён и был её единственным настоящим телохранителем. Но слова всё

равно ударили жестоко, наотмашь.

Тэ-хён тяжело сглотнул. На мгновение в груди полыхнула душная обида, но он заставил её замолчать, безжалостно задвинув собственное эго на самый задний план. Сейчас было не до гордости. Здесь, в Сеуле, он один против целой своры хищников её не уберёжёт. Рано или поздно её достанут. И если этот проклятый Джиротти действительно способен укрыть её в сытой, безопасной Европе, Тэ-хён был готов лично сопроводить её на самолёт. Ревность не стоила её жизни.

В его душе родилась холодная решимость. Тэ-хён поднял взгляд и посмотрел на неё в упор — твёрдо, без тени прежней неуверенности.

— Тогда уезжай, — выпалил он. — Возвращайся в Европу, в Милан. Ты сможешь руководить процессами и оттуда, через сеть. А я буду твоими глазами и ногами здесь, на земле.

Лин-на уставилась на него с таким ошеломлённым видом, словно пыталась понять, с чего это вдруг её верный пёс решил от неё избавиться.

— Здесь ты в смертельной опасности, — жёстко, перебивая её мысли, продолжил Тэ-хён. — Тебя ищут ищейки Чо Тэ-сана. Председатель затаил на тебя злобу. Ким Чу-хо вот-вот выпустят под залог. Для тебя больше нет безопасного места в Сеуле, а я... я не всемогущ, Лин-на. Я не смогу закрыть тебя от всех врагов разом. Возвращайся домой. И пусть этот твой Джиротти позаботится о тебе там, чтобы длинные руки Чакаля не дотянулись до тебя в Италии.

— Ну нет, — Лин-на мгновенно вскипела, явно уязвлённая его безапелляционным, приказным тоном. — Я не могу всё бросить, не доведя дело до конца. Председатель...

— Пока ты ищешь способ, как уберечь его власть, Чакаль и Чо Тэ-сан ищут тебя, чтобы уничтожить! — жёстко отрезал Тэ-хён. — «Синджин» никуда не денется, даже если у руля встанет Канджон. Это всего лишь бизнес, Лин-на. Просто заводы, офисы и логистические компании. Обычным работягам, которые там вкалывают, плевать, кто сидит в кресле председателя. Ещё один толстосум, ещё один олигарх на их головы. Им важно вовремя получать зарплату, растить детей и откладывать на старость. А на то, чья подпись стоит на чеках, им плевать с высокой колокольни. Ну, сменит Чжин До-джуна другой — Канджон или Пон-джун. Какая разница? Сам Председатель от этого на паперть не пойдёт. Он останется при своих миллиардах и дворцах. Разве твоя жизнь стоит этой крысиной возни?

Лин-на сидела как пришибленная, оглушённая напором его слов.

— Ты не понимаешь... — почти робко попыталась возразить она.

— Да всё я прекрасно понимаю! — Тэ-хён перебил её, не давая выставить привычный щит. — Ты не привыкла бросать дело на полпути. Но оцени риски, ты же умная женщина, чёрт тебя дери! Выше головы не прыгнешь. Оставь этих пауков в банке, пусть жрут друг друга.

Он внезапно поднялся со стула, сделал два быстрых шага, сокращая разделявшее их расстояние, и опустился на корточки прямо перед её креслом. Не давая ей опомниться, Тэ-хён накрыл её тонкие пальцы своими израненными, шершавыми ладонями, сплошь заклеенными пластырями.

— Лин, — позвал он её уже совсем другим — просящим, тёплым тоном. — Давай бросим всё это к чёрту и просто уедем. Ты ведь равнодушна ко мне, я знаю. И ты мне нужна. Давай уедем в третью страну, далеко и от Кореи, и от твоего Милана. Будем просто жить. Вместе. Начнём всё сначала.

Тэ-хён замер, ловя каждое изменение на её лице. Он сидел так близко, что чувствовал тонкий аромат её чистой кожи, и видел, как дрогнули её ресницы. На одну короткую, сумасшедшую секунду ему показалось, что он пробил её ледяной щит. В глубине её расширившихся зрачков, отражавших тусклый свет террасы, Тэ-хён считал то, что она так тщательно скрывала от всего мира.

Она хотела этого. Ей самой отчаянно, до крика хотелось бросить всё к чёртовой матери, сорвать этот опостылевший костюм консильери, забыть про месть, долг и просто позволить себе быть счастливой. Рядом с ним. Быть женщиной, которую защищают, а не мишенью в чужой игре.

Но вспышка погасла так же быстро, как родилась. В её зелёных глазах блеснули искренние слёзы. И в тот момент, когда Тэ-хён готов был услышать заветное «да», её губы дрогнули:

— Я не могу, Тэ-хён.

Это было произнесено с такой глубокой, звенящей болью и отчаянием, что Тэ-хён невольно задохнулся, словно ему перекрыли кислород. Лин-на уже потянула руки на себя, медленно, но настойчиво выбираясь из его горячего захвата.

Он глухо застонал и разжал пальцы, позволяя ей уйти. Ну что за невыносимая упрямица! А Пан-сок ещё всерьёз рассчитывал, что ему удастся уговорить её покинуть страну... Да она же никого не хочет слышать! Вбила себе в голову этот проклятый долг перед чужой семьёй и идёт напролом, даже если приходится ступать по собственному сердцу.

— Раз так, — Тэ-хён резко поднялся на ноги, сверху вниз глядя на неё, — я просто куплю билет и силой доставлю тебя в аэропорт. Не хочешь уезжать со мной — я не настаиваю, перетопчусь. Но о твоей безопасности я позаботиться обязан.

— Ты не сделаешь этого, — тихо, с мучительной тревогой в голосе произнесла она. — Если ты хоть каплю уважаешь меня и моё решение... ты не сделаешь этого, Тэ-хён, — повторила она уже твёрже, заставляя себя смотреть ему прямо в лицо.

Тэ-хён медленно склонил голову, признавая поражение. Он и сам прекрасно знал, что не пойдёт против её воли. Будь на месте Лин-ны любая другая женщина, он бы включил мужское право силы — скрутил бы, закинул на плечо и увёз, спасая глупую девчонку от смерти. Но перед ним сиде-

ла Лин-на. И дело было вовсе не в том, что она когда-то являлась его высокопоставленной начальницей. Тэ-хён просто понимал: сломав её волю один раз, он навсегда потеряет её доверие. И её саму.

— Хорошо, — глухо бросил он, окончательно избавляясь от морока и упорно не глядя на неё. — Тогда давай покончим с этим как можно быстрее, пока твои враги не опомнились. Что конкретно тебе нужно? Достать компромат из кабинета Чакаля? Я достану. Что у нас сегодня? Вторник? На четверг назначен Совет директоров, так что времени в обрез. Значит, сегодня же ночью я пойду туда и переверну там всё вверх дном. Тебе хватит суток, чтобы обработать данные к четвергу?

— Подожди, что ты сказал? — Лин-на качнулась в кресле и резко подалась вперёд, сбросив плед. — Собрание в четверг? Но разве аудит финансового отдела его не отменил?

Тэ-хён замер и посмотрел на неё с высоты своего роста. Точно. Она же сидит здесь взаперти и ничего не знает о последних новостях.

— С аудитом ничего не вышло, — хмуро ответил он. — Канджон и Чо Тэ-сан каким-то непостижимым образом умудрились зачистить официальные реестры и полностью стереть ту фирму, о которой я говорил. «Кёнсон Логистик» больше не существует. Теперь Председатель уверен, что я просто хотел его подставить. Даже когда я принёс ему архивные документы от адвоката, он слушать не пожелал. Опу-

стил руки. Он уже мёртвый лев, Лин-на. Он сам отказался от борьбы.

Но Лин-на его словно не слышала. Её глаза лихорадочно блестели, её знаменитый «процессор» уже на полную мощность перебирал десятки вариантов, просчитывая ходы.

— А Тиффани? — спросила она внезапно, вскинув на него острый взгляд. — Она всё ещё в поместье Санбалам?

— Да, — угрюмо ответил Тэ-хён, искренне не понимая, как её в такой момент может волновать эта взбалмошная, капризная женщина. — Ходит по дому как привидение. Даже не орёт на прислугу, как прежде.

Лин-на нервно застучала тонкими пальцами по деревянным подлокотникам кресла.

— Так, так, так... Устрой мне встречу с ней. Срочно.

— Что?! — Тэ-хён опешил. — Зачем тебе это? Хочешь нарваться на очередную порцию её истерик и оскорблений?

— Нет. Это всё пустое, — отмахнулась Лин-на с жаром. — Она не станет истерить. Тиффани сейчас сама в ловушке, понимаешь? Просто организуй нам встречу. Любым способом.

— Да как я, по-твоему, это сделаю? — Тэ-хён не выдержал и зло съязвил: — Это же великая и ужасная Тиффани! Что я должен сделать? Подойти к ней в коридоре и заявить: «Госпожа личный советник вашего отца, та самая стерва, что сидит у вас в печёнках, очень просит вас об аудиенции»? Так, что ли?

— Именно! — Лин-на с готовностью подхватила его иронию, её лицо горело азартом борьбы. — Именно так и скажи! Если понадобится — умоляй, лести, подыгрывай её раздутому самолюбию, делай что угодно! Но главное, передай ей дословно: «Госпожа Лин-на знает, как решить вашу главную проблему».

Тэ-хён непонимающе уставился на Лин-ну. Но она смотрела на него совершенно ясными, сфокусированным взглядом. Она явно знала нечто большее, и сейчас у неё буквально чесались руки, чтобы немедленно броситься в бой.

— Я дам тебе контакты Джины, — лихорадочно рассуждала Лин-на, кусая губы. — Она поможет тебе организовать встречу с Тиффани так, чтобы никто из людей Чо Тэ-сана не заподозрил неладное. Это нужно сделать до четверга. Кровь из носу. Это сейчас даже важнее, чем компромат из кабинета Чакаля. Ты понял меня, Тэ-хён?

— Да понял я, понял, — Тэ-хён устало отмахнулся, про себя подумав, что Лин-на в своём стремлении спасти чужой бизнес становится одержимой.

Но этот яростный азарт на её лице был странно заразительным. Он физически чувствовал, как внутри неё всё полыхает огнём. Она напоминала первоклассную охотничью собаку, которая внезапно взяла свежий след и теперь не могла думать ни о чём другом, кроме как загнать зверя в капкан.

— Может, ты всё-таки объяснишь, что именно задумала?

— Потом, всё потом... — горячилась она, отмахиваясь

от его расспросов. — Мне бы ноутбук, — сокрушённо выдохнула консильери, уперевшись лбом в сцепленные замком пальцы, — или хотя бы телефон. Мне жизненно необходимо связаться с Джиротти...

Тэ-хён насторожённо промолчал, пытаясь прикинуть, какие очередные глобальные планы зреют в её «компьютерной» голове. Упоминание итальянца снова царапнуло изнутри, но он заставил себя сдержаться.

— Время на исходе. Пора действовать, а я заперта в этой глуши... Господи, как же всё не вовремя. Я совершенно не готова, — Лин-на едва ли не впервые за всё время проявила искреннюю досаду.

Поколебавшись мгновение — стоит ли вообще потакать её безумным порывам, — Тэ-хён молча залез в карман брюк, достал оттуда небольшую картонную коробочку и протянул ей.

— Вот. Прикупил по дороге, когда уходил от «хвоста».

Лин-на опустила взгляд на его ладонь и коротко ахнула.

— Тэ-хён! Какой же ты молодец! Телефон — это именно то, что мне сейчас нужно!

— Там самый минимум функций, — тут же попытался оправдаться он, внезапно сильно смутившись от её горячей похвалы. — Обычная дешёвая «раскладушка» без интернета. Купил на чужое имя, чисто для экстренной связи.

— Ничего, этого более чем достаточно, — Лин-на бережно, словно высшую награду, приняла из его рук дешёвый

пластиковый аппарат. Её пальцы на секунду коснулись его кожи, обдав теплом. — Мне нужно отправить всего одно сообщение Джей-Джею. А старые добрые СМС-сообщения ещё никто не отменял. Он знает шаг моей кодовой таблицы. Получит обычный цифровой мусор, а у себя на сервере расшифрует за секунду. И поможет мне связаться с Нато.

Лин-на уже возилась с коробкой, окончательно перестав обращать внимание на Тэ-хёна.

— Если я смогу завтра убедить Тиффани сделать как я прошу, — говорила она, увлечённо распаковывая раскладушку, — у нас всё может получиться. Я поставлю этого зарвавшегося Канджона на место. А потом уже можно будет и Чакалем заняться.

Тэ-хёну было искренне непонятно, как можно так просто, между делом, говорить о противостоянии со смертельно опасным криминальным авторитетом. Она рассуждала об интригах против финансового директора и атаках на банду Чакаля с таким видом, словно обсуждала план воскресного шопинга.

— Эх... — с какой-то затаённой, чисто бойцовой радостью воскликнула она, сжав аппарат в ладонях. — Если в четверг всё удастся, мы значительно ослабим позиции врагов. Я думала, что всё ещё не готова. Но времени ждать больше нет. Это как перед сложным экзаменом — перед смертью всё равно не надышишься.

Она внезапно подняла голову и посмотрела на Тэ-хёна. Её

зелёные глаза в этот миг светились ярче, чем праздничная гирлянда под крышей террасы.

— Поможешь мне, Тэ-хён-а? На тебя теперь одна надежда.

Лин-на мягко улыбнулась, но в самой глубине её зрачков на секунду промелькнула тщательно скрываемая тревога. Тэ-хён замер. Он понял, что просто физически не сможет предать или обмануть её доверие. И хотя всё его профессиональное чутьё отчаянно противилось этой безумной авантюре, отказать ей в помощи он был не в силах.

* * *

Он ещё помог ей окончательно разобраться со старым интерфейсом телефона и получил от неё ряд чётких инструкций насчёт завтрашнего дня. Он сидел плечом к плечу рядом с Лин-ной, чувствуя кожей её близкое тепло сквозь тонкую ткань рубашки. Эта вынужденная близость превращалась в настоящую пытку — каждый вздох рядом с ней требовал от него колоссального, почти физического самоконтроля.

Из погружённого во тьму сада доносился безумный стрёкот цикад — с тех пор как караоке умолкло, они снова стали единственными певцами, нарушавшими ночную тишину удалённого посёлка. Время было позднее. Тэ-хён понимал, что нужно уходить, но ноги словно налились свинцом и наотрез отказывались слушаться.

Внезапно из гостиной донёсся тяжёлый стон Хан-ны.

— Ребята... не уходите... — прохрипела она из-под пле-

да, ворочаясь на диване. — Мы же... ичё... не договорили... Кто... кому... больше... — она запнулась, язык её заметно заплетался, — ...нравится?.. А?

Тэ-хён резко обернулся. На мгновение его взгляд метнулся к двери гостиной, но тело не двинулось с места. Он вдру остро почувствовал, будто его мир безжалостно раскололся надвое. Там, в доме, осталась Хан-на — шумная, требующая заботы, привычная и понятная. А здесь, на террасе, была Лин-на — загадочная, внезапно уютная в чужих вещах, манящая этой непонятно откуда взявшейся мягкостью.

Он не находил в себе сил уйти. И не мог придумать ни единого предлога, чтобы остаться.

— Хан-на... — глухо начал он.

— Я присмотрю за ней, — негромко перебила Лин-на.

Она поднялась, взяла с соседнего кресла ажурную шаль Хан-ны, привычным жестом накинула её на плечи и плавно сошла по ступеням веранды в сад. Тэ-хён двинулся за ней — не рядом, а на полшага позади, бесшумно, точно тень.

Тёмный сад лежал у их ног, как огромный лохматый чёрный пёс. Он дышал ночной прохладой, манил покоем и одновременно пугал своей непроглядной глубиной. Лишь несколько кустов диких роз у самой террасы слабо подсвечивались разноцветными огнями гирлянды. Из темноты тянуло сыростью, под ногами по влажной тропинке шлёпали лягушки.

Тэ-хёна невольно передёрнуло, по спине пробежал озноб,

а плечи свело внезапной судорогой.

Что-то странное и пугающее творилось с ним с той самой секунды, как он перемахнул через забор и увидел Лин-ну. В области солнечного сплетения упрямо ворочался тугой, горячий узел, заставляя его судорожно дышать через раз. Напряжение внутри него достигло критической отметки.

И это всё? Неужели она вот так просто позволит ему уйти?

Тэ-хён никак не мог взять в толк, как она умудряется оставаться такой спокойной и отстранённой. Ведь в ту ночь в монастыре она буквально кипела страстью — дикой, голодной, такой, какой он от неё даже не ожидал. А сегодня за весь вечер она ни разу к нему не прикоснулась. Будто умышленно держала дистанцию.

У основания лестницы Лин-на обернулась. Тэ-хён скользнул взглядом по её лицу, на котором дрожали неровные блики от гирлянды, и почувствовал, как внутри болезненно сжалось сердце. В этой безразмерной рубашке и шали она выглядела пугающе хрупкой. Это уже была не та железная консьержка, что отдавала приказы в Санбаламе, и не та безумица, что без страха лезла в логово к Чакалю.

Перед ним стояла женщина, которая смертельно устала притворяться всесильной. И только багровый след от ожога на тонком запястье напоминал о том, через какой ад ей пришлось пройти.

Тэ-хён резко шагнул вперёд и перехватил её за локоть —

отчаянно, будто пытался удержать то, что уже стремительно ускользало. Одним движением развернул её к внешней стороне перил, туда, куда едва дотягивался тусклый свет с террасы, и жадно припал к её лицу, ища губы.

Но Лин-на упрямо уклонялась, отворачивая голову в сторону.

— Не надо, — тихо, почти умоляюще попросила она, упираясь ладонями в его грудь.

— Почему? Я соскучился, — хрипло зашептал он, теряя остатки хвалёного самоконтроля и покрывая быстрыми поцелуями её обнажённую шею.

Его безумно, до дрожи тянуло к ней. Он жаждал этого прикосновения, мучительно требовал этого нехитрого тактильного подтверждения своего права на неё. Ему нужно было убедиться, что монастырская ночь не была сном. Тэ-хён крепче сжал её в своих объятиях, намертво блокируя любые попытки вырваться, и уже готов был силой перехватить её подбородок, чтобы наконец накрыть губы...

— Тэ-хё-о-он! — внезапно донеслось из раскрытого окна дома. — Слышь?.. Твоя... эта... Лин-на... ваще огонь!.. Я тебе серьёзно говорю... за-фь-ю-ду-ю... ик!

Лин-на вздрогнула и беспокойно оглянулась на дом, снова избегая его поцелуя. В её глазах мелькнул явный стыд.

— Не надо. Только не здесь, — Лин-на упёрлась ладонями в его плечи и отстранила его — мягко, но с железной, не допускающей возражений решимостью. — Не при ней.

Тэ-хён тяжело задышал, с трудом подавляя бушующую внутри бурю. Мотнул головой, пытаюсь прояснить мысли.

— Она же спит. Ничего не сообщает.

Лин-на не ответила. Она просто молча отвернулась от него, сильнее кутаясь в ажурную шаль, и ушла в тёмную глубину сада. Граница была проведена.

Тэ-хён медленно опустил руки. В груди глухо заняло — не от привычной обиды, а от чего-то более глубокого, пугающего и неопределённого. Ему показалось, что Лин-на отдалась. Не грубо, не резко, но как-то окончательно. Будто между ними в одну секунду выросло стекло: он по-прежнему видит её, слышит прерывистое дыхание, но дотронуться уже не имеет права.

— Что не так? — хрипло спросил он, заглядывая в её потемневшие глаза. — Я скучал по тебе. Я весь проклятый день думал только о том, как увижу тебя.

Строгий, колющий взгляд Лин-ны мгновенно отрезвил его и заставил устыдиться собственной минутной слабости.

— Тэ-хён, ты вообще, о чём думал, когда привёз меня к ней? — сдерживая гнев, спросила она.

Он опешил. О чём это она вообще?

Тэ-хён продолжал стоять так близко, что Лин-на была практически прижата к деревянным перилам лестницы, но теперь он немного отступил, чтобы лучше видеть её лицо. Она и правда сердилась. И это не было напускным выговором консьержки.

— Ты привёз меня в дом к своей бывшей, — Лин-на рубанула воздух рукой, чеканя слова. — Нисколько не стеснясь. Не заботясь ни о моих чувствах, ни о её.

— Хан-на — не бывшая! — Тэ-хён аж задохнулся от такой несправедливости. — Она просто друг. Надёжный, верный боевой товарищ. Она меня из стольких передряг вытаскивала, ты представить себе не можешь!

— Хочешь сказать, ты никогда не спал с ней? И вы не были любовниками? — Лин-на в упор уставилась на него, и в её зелёных глазах полыхнул опасный огонь.

— Это вообще не то, о чём ты думаешь, — растерянно пробормотал он, чувствуя, как стремительно теряет почву под ногами.

— А что, по-твоему, я должна думать? — зло фыркнула Лин-на, и шаль съехала с её плеча. — Ты заходишь в этот дом как к себе. Помнишь, где она хранит адсорбенты, наизусть знаешь, из какой чашки она пьёт. Вслепую, не глядя находишь выключатели на стенах.

Она бросала ему эти обвинения с такой яростной досадой в голосе, что Тэ-хён окончательно растерялся, не зная, как реагировать. До его мозга наконец-то начало доходить: великая «АльфаГо» дома Чжин банально, по-женски его ревновала.

— Мы просто пили здесь по вечерам, — попытался оправдаться он, делая шаг назад. — Когда обоим становилось невозможно от одиночества и воспоминаний. Это дружба, Лин-

на. И ничего более.

— И ты всерьёз полагаешь, что я поверю в чистую дружбу между мужчиной и женщиной?

— Хан-на никогда не смотрела на меня как на... — Тэ-хён резко осёкся. Фраза застряла в горле. Потому что он слишком хорошо знал: это была ложь.

Хан-на смотрела. И не раз. В те тяжёлые, беспросветные ночи, когда они глушили соджу на этой самой террасе, спасаясь от призраков прошлого, между ними бывало всякое. И Хан-на любила его — преданно, безраздельно, ничего не требуя взамен. Тэ-хён знал это, но всегда упрямо прятал это знание на самое дно памяти.

Лин-на поймала его заминку мгновенно. Её зелёные глаза опасно сузились, а упрямый подбородок дрогнул.

— Я могу понять, почему ты не подумал о моих чувствах, — тихо, но с явным надрывом произнесла она. — Но ты должен был подумать о ней! О Хан-не. Что она почувствовала, когда ты привёз свою новую любовницу к ней в дом? Зачем, Тэ-хён? Чтобы я посмотрела, как выглядит нормальная жизнь, которой у нас с тобой никогда не будет?

Хлёсткое слово «любовница» больно кольнуло слух. Тэ-хён даже представить себе не мог, что Лин-на воспринимает их близость вот так. Любовница? Так вот кем она себя ощущает в его объятиях — просто временной, мимолётной интрижкой на фоне понятной и верной Хан-ны. Внутри него всё перевернулось от глухой ярости.

— Не говори так, — хмуро бросил он, сужая глаза. — То, что между нами произошло, — это не интрижка. И ты это прекрасно знаешь.

— Да ну?! — Лин-на горько вскинула подбородок. — А кто же я тогда для тебя? И кто она? Раз ты привозишь меня к ней так запросто, словно передаёшь из рук в руки!

Она в сердцах ударила его кулаком в грудь, словно нож всадила.

Тэ-хён виновато опустил голову, не выдержав этого ранящего взгляда. А Лин-на смотрела на него со странной, вымученной жалостью:

— Думаешь, я слепая? Думаешь, я не вижу, как она на тебя смотрит? Как говорит только о тебе? Хан-на ведь любит тебя, Тэ-хён! И при всём этом она готова прятать меня в своём доме, наливает мне чай, пытается подружиться... Тэ-хён, это неправильно. Это просто жестоко по отношению к ней.

Только сейчас до его упрямого сознания наконец дошло, какую глупость он совершил.

— Я всего лишь хотел спрятать тебя там, где Чо Тэ-сан никогда не догадается искать, — глухо попытался оправдаться он. — Для твоей же безопасности...

Лин-на тяжело вздохнула и отвела взгляд в сторону тёмного сада.

— Я понимаю твоё желание защитить меня. Но этим решением ты поставил под удар нас обоих. Я теперь даже не могу смотреть Хан-не в глаза... Чувствую себя какой-то...

потаскухой, которую притащили в чужой дом, — её голос сорвался, на секунду обнажив глубокую, кровоточащую рану. — Тэ-хён... ответь мне честно: кто я для тебя?

Вопрос повис в прохладном ночном воздухе — простой, прямой и беспощадный, как выстрел в упор.

Тэ-хён почувствовал себя абсолютно беззащитным, словно его безоружного прижали к стенке. И вовсе не потому, что он не знал ответа. А потому, что ещё ни разу не осмеливался произнести это заветное слово вслух — даже мысленно, наедине с собой. И вдруг — как спасение от этой удушающей ментальной боли — в его голове вспыхнула встречная ярость. А она сама? Почему вся вина ложится только на него?!

— Кто ты для меня? — вырвалось у него, и голос предательски дрогнул. — Я думал, что и так ясно дал понять — ты мне нужна. Ты мне нравишься до безумия! Но ты упрямо не хочешь этого видеть, выстраивая свои дурацкие стены. А ты... — он запнулся, но остановиться уже не мог, тормоза сорвало окончательно. — Ты сама-то до конца со мной честна?

Лин-на вскинула на него непонимающий, ошеломлённый взгляд.

Вместо ответа Тэ-хён отступил на шаг, резко залез в карман рубашки и извлёк оттуда смятую фотографию, которую обнаружил на её квартире. Тот самый снимок, который весь день жёг ему грудь сквозь ткань. Показал ей.

— Нашёл среди твоих вещей, когда собирал чемодан.

Лин-на бросила короткий взгляд на глянцевого прямо-угольник и мгновенно узнала его даже в зыбком полумраке сада. Она резко протянула руку, но Тэ-хён отдёргнул, не отдавая.

— Не хочешь ничего рассказать? — глухо потребовал он.

На её лице одновременно отразились глубокая печаль и ярость. Лин-на сжала зубы и буквально вырвала фотографию из его пальцев — так яростно, словно он одним своим прикосновением мог осквернить святыню. Она крепко, судорожно прижала снимок к груди, пряча от его глаз.

— Ты же и сам всё понял, — горько, со свистом выдохнула она. — Зачем тогда спрашивать?

— Хочу услышать это от тебя! — Тэ-хён сделал шаг вперёд, нависая над ней. — Сколько ещё тайн ты от меня хранишь? Ты до сих пор мне ни не доверяешь?

Она упрямо повела плечом, хотя её дыхание стало прерывистым.

— Это и не тайна вовсе. Это мой сын. Он живёт в Италии. И что с того?

Тэ-хёну стало по-настоящему страшно. Худшие, самые болезненные его догадки, которые он гнал от себя, начинали сбываться прямо сейчас.

— Так, может... у него и отец имеется? — с трудом удерживая ровный тон, процедил он.

Лин-на плотно сжала губы — не от раздражения, а словно

отчаянно пыталась удержать внутри какую-то хрупкую, болезненную лавину.

— Конечно, — бросила она резко, едва не срываясь на крик. — Не от Святого же Духа я его родила!

Мерзкое, удушливое чувство завязалось тугим узлом в желудке. Горло спазмом стиснуло так, что он едва сумел выдать из себя хриплые, сочащиеся ядом слова:

— Это... от него, да? От того, чьё имя ты бормочешь каждый раз, когда тебе страшно?

— Какая тебе разница? — горько выдохнула она, отступая на шаг.

— Ты звала его как последнюю надежду! — Тэ-хён почти сорвался на крик, и его голос сочно зазвенел в ночной тишине сада. — В постели, после нашей первой ночи! И когда я на руках нёс тебя, окровавленную, прочь от горящего автомобиля! Ты... ты до сих пор любишь его? Из-за него ты не можешь принять мои чувства?!

Лин-на судорожно прикусила нижнюю губу — так сильно, что кожа мгновенно побелела.

— Нет! Я же тебе уже сказала! — бросила она. Слишком коротко, зло и чересчур быстро, чтобы это походило на правду.

Тэ-хён выдавил из себя мучительный, утробный стон. Сделал два шага назад, в самую темноту, запрокидывая голову к чёрному полному небу, словно ища у звёзд хоть какой-то справедливости. Но небо молчало. Он резко раз-

вернулся и снова навис над ней, тяжело дыша.

— Ты не можешь его забыть? Вы всё ещё вместе? Ты всё это время врала, что одинока?! Я начинаю понимать, что вообще ничего о тебе не знаю! — он с силой ударил ладонью по деревянным доскам обшивки, чувствуя, как к горлу подступает ледяной, парализующий ужас.

Ему казалось, что всё, что он знал о Лин-не до этого момента — сплошная, искусно выстроенная ложь. Что она просто жестоко играла им, как послушной марионеткой.

— Так какая же из них ты — настоящая?! — рявкнул он ей прямо в лицо.

— А чего тут понимать?! — вырвалось у неё в ответ, и её голос сорвался на звенящий, отчаянный крик. — Залетела по молодости! Дурой была, да к тому же совершенно неопытной! Влюбилась по уши в сокурсника, а он взял и на другой женился! Что мне, по-твоему, надо было делать?! Я боялась домой явиться. Боялась, что бабушка обо всём узнает и выгонит меня с позором на улицу! Я из-за этого ребёнка столько глупостей натворила... В Европу сбежала, в банду попала, документы подделала! Я столько дерьма в жизни наворотила, что вернуться обратно в Россию уже просто не смею! Вот я какая! Что, Тэ-хён, не ожидал такое услышать?! Безупречная, всегда правильная Лин-на — и вдруг совершает такие ошибки?!

Она выпалила всё это разом, словно плотину, сдерживавшую многолетнюю боль, наконец прорвало. Лин-на швыряла

в него эти страшные слова с яростной, граничащей с безумием жестокостью. Говорила захлёбываясь, быстро, зло, будто панически боялась: если она замолчит хотя бы на секунду, то просто развалится на части у него на глазах.

— В ошибках молодости нет ничего дурного. Все мы их совершали, — как-то не особенно убедительно заметил Тэхён.

Лин-на усмехнулась.

— Не такого финала ты ожидал от своей сказки, да?! — она сделала шаг к нему, её грудь под рубашкой бурно вздымалась. — Думал, я всегда была умной, холодной, расчётливой Лин-ной, у которой вся жизнь под полным контролем? Эффектная, недоступная консильери дома Чжин... Такая ведь я тебе нравилась?! А я — серая, глупая, потерявшаяся девчонка! Невзрачная мышка, которая всего боится! Я всегда была такой! Недостаточно красивой. Недостаточно умной. Недостаточно... — она резко запнулась, судорожно схватив ртом влажный ночной воздух, словно наткнулась на невидимую стену памяти. — ...всего! Вечно пыталась доказать всем, что я чего-то стою! И ничем я с тех пор не изменилась, как была дурой, так и осталась! Не смотри на меня так! Да, я никудышная мать! Я бросила своего ребёнка и уехала в Корею! Чужой долг оказался для меня важнее. А мой сын... Мой сын воспитывается чужими людьми, пока я здесь строю из себя бога! Теперь тебе всё понятно?!

Она зло сверкнула зелёными глазами и резко отвернулась,

пряча лицо.

Тэ-хён слушал её, оглушённый, и половину слов просто не воспринимал. Он впервые слышал эти страшные, выстраданные откровения о её прошлом, но они упрямо не вязались в его голове с образом той Лин-ны, которую он знал, уважал и боготворил.

— Почему же ты сразу обо всём не рассказала? — глухо спросил он, внезапно вспомнив её полные отчаяния и боли разговоры по телефону на итальянском.

— Господи, да как о таком вообще расскажешь?! — ядовито, с болезненным сарказмом передразнила она саму себя. — «Здравствуйте, я великая консильери дома Чжин, но в прошлом вела себя как полная дура и трусливая девчонка». Впрочем, почему в прошлом? Я и сейчас продолжаю совершать элементарные ошибки...

Она вдруг резко прихлопнула ладонью рот, словно в запале ссоры выболтала лишнее. Глаза её испуганно расширились.

— Хватит. Довольно на этом, — оборвала она саму себя ледяным, задыхающимся тоном.

Она круто развернулась, собираясь немедленно сбежать в дом. Тэ-хён застыл как истукан посреди сырого ночного сада, раздавленный весом её признания. Лин-на занесла ногу над первой ступенькой лестницы, но на секунду помедлила, едва заметно повернув голову в его сторону. Профиль её в полумраке казался высеченным из камня.

— Не иди за мной, Тэ-хён. Ни сейчас, ни вообще. Не надо, — тихо, со звенящим безразличием произнесла она. — Я не та женщина, которая тебе нужна. И не вздумай меня жалеть. Я твоей любви не стою.

Она тяжело, словно на ней были кандалы, ступила на деревянную лестницу. А он продолжал стоять в глухой тени сада, не в силах сдвинуться с места, будто его ноги намертво вросли в землю. В горле застрял раскалённый ком. Тэ-хён парализовано смотрел, как она поднимается на террасу, бережно, дрожащими пальцами разглаживая на ходу помятую фотографию сына.

Она уходила. Навсегда закрывала перед его носом ту самую дверь, в которую он стучался столько месяцев.

И вдруг — как выстрел в спину, как бешеный порыв штормового ветра — в его мозгу сорвало последние предохранители. Тэ-хён рванул к лестнице, преодолев расстояние в три шага за долю секунды. Не спрашивая разрешения, мёртвой хваткой перехватил её за локоть. Одним рывком сдёрнул её с верхней ступени обратно вниз и намертво запер в своих объятиях, словно вырывал её саму из лап надвигающейся тьмы.

— Хватит! — рявкнул он ей прямо в губы. Его голос дрожал вовсе не от нежности, а от бешеной, клопочущей злости. Злости на неё саму, на её дурацкую гордость и на того подонка, который когда-то вбил в её голову эту чушь о её неполноценности. — Это не тебе решать, стоишь ты моей любви или нет! Слышишь? Я люблю тебя, Лин-на! И мне глубоко

плевать, что там было в твоём конченном прошлом! Мне насрать, какой ты была девчонкой и сколько ошибок наворотила! Мне важна только та, что стоит сейчас передо мной. Серая, сломанная, захлёбывающаяся от боли — любая! Такая ты мне нужна! И если ты думаешь, что Кан Тэ-хён утрётся и сбежит из-за какой-то старой глупой истории... значит, ты меня, чёрт тебя дери, совсем не знаешь!

Она больше не вырывалась. Испуганно, как подстреленная птица, прижалась к его широкой груди, не смея даже дышать. Да и если бы Лин-на даже очень захотела вырваться, Тэ-хён её теперь ни за что не выпустил бы.

— Мне тебя теперь только с кожей отрывать, — глухо выдохнул он ей в макушку.

Так и стоял, намертво заперев её в кольцо своих рук и бережно поглаживая по растрёпанным волосам — как самого родного, близкого человека. Как того, кого отныне не отдаст ни страху, ни боли, ни её собственному прошлому.

* * *

Они простояли так очень долго, молча слушая стук сердец друг друга, пока сырой низинный туман из глубины сада не начал лениво стелиться у их ног, точно ласковый котёнок.

Почувствовав, как ночной воздух ощутимо посвежел, Тэ-хён нехотя чуть отстранился и плотнее запахнул на её плечах пёструю шаль Хан-ны.

— Тебе лучше вернуться в дом, — негромко, уже совершенно спокойно произнёс он. — Становится сыро, просту-

дишься.

Лин-на послушно, по-детски кивнула, не поднимая глаз.
— И ни о чём больше не переживай, — Тэ-хён мягко коснулся пальцами её подбородка. — Прости, что так глупо вышло с Хан-ной. Я действительно не желал зла ни тебе, ни ей. Но пойми: для меня на первом месте всегда будешь ты и твоя безопасность. Так что потерпи ещё немного. Я всё решу.

Лин-на так и не смогла выдавить из себя ни слова. Она лишь замерла на верхней ступени террасы, судорожно прижимая фотографию к груди — будто защищая от холодного ночного ветра не кусок бумаги, а самого мальчика.

Дойдя до калитки, Тэ-хён на секунду остановился и оглянулся.

Она по-прежнему стояла на пороге — тонкий, хрупкий силуэт на фоне залитого тёплым светом дома. Больше не великая и грозная консьюери. Не святая и не грешница. Просто уставшая женщина, которая слишком долго и безропотно платила по чужим долгам, напрочь забыв о самой себе.

Она не просила у него любви. Не требовала защиты. Даже не ждала понимания — просто стояла в темноте и смотрела ему вслед. И всё же в этом её долгом взгляде, в этой звенящей полночной тишине и в том, что Лин-на не скрылась в доме, пока он не ушёл, Тэ-хён безошибочно разглядел то последнее, что у них осталось. Надежду.

Короткая, едва заметная улыбка тронула его губы. Тэ-хён хотел было помахать ей рукой на прощание, но вместо это-

го резко развернулся, толкнул калитку и решительно шагнул в непроглядную ночную темноту. Полный решимости разобраться со всеми проблемами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.